

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Юридический институт
институт
Кафедра уголовного права
кафедра

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой

_____ _____
подпись инициалы, фамилия
« ____ » _____ 2020 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

40.03.01 Юриспруденция
код – наименование направления

Уголовно-правовая характеристика кражи, совершенной с банковского
счета, а равно в отношении электронных денежных средств (п. «г» ч.3 ст.158
УК РФ).

тема

Руководитель _____ доцент кафедры уголовного права Мирончик А.С.
подпись, дата должность, ученая степень инициалы, фамилия

Выпускник _____ Яковлева Д.А.
подпись, дата инициалы, фамилия

Красноярск 2020 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
1 Уголовно-правовая характеристика кражи, совершенной с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств.....	7
1.1 Объект состава преступления, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ.....	7
1.2 Объективная сторона состава преступления, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ.....	25
1.3 Субъективные признаки состава преступления, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ.....	48
2 Проблемы квалификации кражи, совершенной с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств.....	55
2.1 Отграничение кражи, совершенной с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств, от смежных составов преступлений против собственности.....	55
2.2 Проблемы дополнительной квалификации действий лица, совершившего кражу безналичных денежных средств.....	65
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	70
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	77

ВВЕДЕНИЕ

04 мая 2018 года вступил в силу Федеральный закон от 23.04.2018 № 111-ФЗ¹, которым были внесены изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации. Одним из нововведений, установленных данным Законом, стало закрепление нового состава хищения - кражи, совершенной с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ).

Как указывается законодателем в пояснительной записке к законопроекту «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (в части усиления уголовной ответственности за хищение денежных средств с банковского счета или электронных денежных средств)»², целью введения нового квалифицированного состава преступления является повышение уголовно-правовой защиты граждан и организаций путем усиления уголовной ответственности за хищение чужого имущества, совершенное с банковского счета, а равно электронных денежных средств.

Анализируя внесенные изменения, Нудель С.Л. отмечает их актуальность, поскольку с развитием информационных технологий происходит не только расширение спектра электронных услуг в финансовой сфере, но и повышаются риски криминогенного характера, а общественная опасность хищений с банковского счета или электронных денежных средств усиливается способом совершения данных преступлений, позволяющим

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: ФЗ РФ от 23 апр. 2018 г. № 111-ФЗ // Российская газета. – 2018. – № 88.

² Пояснительная записка к проекту федерального закона № 186266-7 О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (в части усиления уголовной ответственности за хищение денежных средств с банковского счета или электронных денежных средств) [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://asozd.duma.gov.ru>.

виновному лицу оставаться анонимным и совершать преступление из любой точки мира, имея лишь доступ к Интернету³.

Действительно, хищение с банковского счета, а равно хищение электронных денежных средств, заслуживает быть выделенным в качестве квалифицированного состава преступления, предусматривающего более суровое наказание, поскольку данное деяние несет в себе большую общественную опасность, нежели иные составы кражи, хотя бы из-за того, что совершение данного преступления может быть осуществлено бесконтактно, дистанционно, что делает преступные возможности злоумышленников не ограниченными ни временными, ни пространственными рамками.

Как справедливо отмечает Хизамова З.И., «к сожалению, темпы развития IT-технологий значительно опережают законодательные реагирования на многие возникающие проблемы»⁴. Вероятно, у многих авторов имеются основания для критики законодателя за несвоевременность тех или иных законодательных инициатив. Тем не менее, факт внесения изменений в уголовное законодательство сообразно меняющимся реалиям современной жизни уже сам по себе заслуживает положительных откликов.

Вместе с тем, как и любые нововведения, новые составы преступлений, включенные в текст Уголовного кодекса РФ с принятием Федерального закона от 23.04.2018 № 111-ФЗ, требуют более детального изучения. Практика применения п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ на данный момент активно формируется, и изучение указанного состава преступления поможет избежать многих правоприменительных ошибок.

Изложенное выше подчеркивает актуальность выбранной темы дипломного исследования.

³ Голованова, Н.А. Уголовно-юрисдикционная деятельность в условиях цифровизации: монография / Н. А. Голованова [и др.] – Москва : ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2019. С. 82.

⁴ Хисамова, З. И. Уголовно-правовые меры противодействия преступлениям, совершаемым в финансовой сфере с использованием информационно-телекоммуникационных технологий [Электронный ресурс]: дис. ... канд. юр. наук: 12:00:08 / Хисамова Зарина Илдузовна // Режим доступа: крду.мвд.рф

Целью выполняемой работы является всесторонний уголовно-правовой анализ состава преступления, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, предусматривающим ответственность за совершение кражи, совершенной с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств.

Исходя из обозначенной цели, можно выделить ряд задач, выполнение которых обеспечит всестороннее освещение темы:

- уголовно-правовой анализ преступления, предусмотренного пунктом «г» части 3 статьи 158 УК РФ, рассмотрение объективных и субъективных признаков данного состава преступления;
- изучение проблем квалификации деяний по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ,
- освещение проблем отграничения изучаемого состава преступления от смежных составов преступлений против собственности;
- выявление практических проблем дополнительной квалификации действий лица, совершившего кражу безналичных денежных средств.

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие в связи с совершением кражи с банковского счета, а равно электронных денежных средств.

Предмет исследования – уголовное законодательство в сфере исследуемых отношений, научные публикации, современная практика правоохранительных органов и судов по квалификации кражи, совершенной с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств.

Теоретическую основу исследования составили труды таких ученых, как Н.С. Таганцев, А.В. Наумов, С.М. Кочои, Д.И. Аминов, А.В. Пашковская, К.Н. Евдокимов, Н.А. Голованова, Н.В. Огородникова и других.

Эмпирическую базу исследования составила правоприменительная практика, решения судебных органов различных инстанций.

Методологическая основа работы – это общенаучные методы системного анализа и обобщения нормативных, научных и практических материалов; частнонаучные методы – метод сравнительного правоведения, логический, технико-юридический и др.

Структура выпускной квалификационной работы соответствует целям и задачам исследования. Работа состоит из введения, двух глав, интегрирующих пять параграфов, заключения, списка используемых источников.

1 Уголовно-правовая характеристика кражи, совершенной с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств

1.1 Объект преступления, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ.

Первой структурной составляющей любого состава преступления является его объект.

Как пишет Д.А. Семенов, «проблема объекта преступления имеет в уголовном праве чрезвычайно большое значение. Установление объекта дает возможность определить социальную и юридическую сущность преступления, обнаружить общественно опасные последствия, правильно решить вопросы о пределах действия уголовно-правовой нормы, квалификации деяния и отграничении его от смежных преступлений»⁵.

Вопрос понимания объекта состава преступления в теории уголовного права является дискуссионным, и данная правовая категория различными авторами трактуется по-разному.

Сформированная еще в советский период точка зрения на объект, как общественные отношения, охраняемые аппаратом уголовно-правового принуждения (такой подход был впервые обозначен А.А. Пионтковским⁶), является превалирующей и в настоящее время⁷.

Однако, в последние годы все чаще встречается критика такого подхода. К примеру, Караханов А.Н. и Захаров А.Ю. пишут, что приведенное

⁵ Грачева, Ю.В. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / Ю. В. Грачева [и др.] ; под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2008. С. 191.

⁶ Блинников, В.А. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / В. А. Блинников [и др.] ; отв. ред. А. В. Бриллиантов – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2015. С. 104.

⁷ Данной точки зрения придерживаются Новоселов Г.П., Гаухман Л.Д. [23, С. 96], Чучаев А.И. [19, С. 34], Кочой С.М. [34, С. 35], Брыка И.И., Аминов Д.И. [17, С. 113] и др.

понимание объекта деяния нуждается в пересмотре⁸. Авторы приходят к выводу, что «объект преступления - это охраняемые уголовным законом социально значимые ценности, интересы и блага, на которые посягает преступление и которым в результате его совершения причиняется или может быть причинен вред.»⁹.

Такое понимание объекта состава преступления как охраняемого правового блага восходит к дореволюционной уголовно-правовой школе. Так, еще на рубеже XIX-XX веков Н.С. Таганцев выразил позицию, не приемлющую формальный подход, при котором преступление является таковым только, если при этом нарушается уголовно-правовая норма¹⁰. Автор считал, что «охраняемые интересы могут иметь реальный характер - жизнь, здоровье, неприкосновенность владения - или идеальный - честь, религиозное чувство, благопристойность и т.д.»¹¹.

В настоящее время имеет место схожая позиция¹², согласно которой объектом преступления следует признавать те блага (интересы), на которые посягает преступное деяние и которые охраняются уголовным законом.

Так, сравнивая изложенные выше точки зрения, Пашковская А.В. пришла к выводу, что концепция объекта преступления выходит за рамки восприятия объекта как только лишь общественных отношений. По мнению указанного автора, общественные отношения – это часть охраняемых уголовным законом ценностей, интересов и благ¹³.

⁸ Блинников, В.А. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / В. А. Блинников [и др.] ; отв. ред. А. В. Бриллиантов – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2015. С. 104.

⁹ Блинников, В.А. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / В. А. Блинников [и др.] ; отв. ред. А. В. Бриллиантов – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2015. С. 106.

¹⁰ Белокобыльский, Н.Н. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник для вузов / Н. Н. Белокобыльский [и др.] ; под ред. В. С. Комиссарова, Н. Е. Крыловой, И. М. Тяжковой. – Москва : Статут, 2012. С. 229.

¹¹ Блинников, В.А. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / В. А. Блинников [и др.] ; отв. ред. А. В. Бриллиантов – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2015. С. 105

¹² Данной точки зрения придерживаются А.В. Наумов [41, С. 147-149], А.В. Пашковская [22, С. 225], Т.А. Бушуева [32, С. 302] и т.д.

¹³ Белокобыльский, Н.Н. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник для вузов / Н. Н. Белокобыльский [и др.] ; под ред. В. С. Комиссарова, Н. Е. Крыловой, И. М. Тяжковой. – Москва : Статут, 2012. С. 230.

Такое расширительное толкование представляется наиболее обоснованным и позволяет найти оптимальный вариант, соответствующий обеим аргументированным позициям, каждая из которых не лишена логического смысла.

Говоря о классификациях объекта состава преступления, прежде всего необходимо отметить классификацию «по вертикали», где основным критерием является общность охраняемых законом отношений¹⁴. Как правило, в рамках данной классификации выделяют либо трехзвенную, либо четырехзвенную структуру объекта.

Трехзвенная структура (общий, родовой и непосредственный объект) была предложена еще в 1938 г. В.Д. Меньшагиным и поддерживается многими современными учеными¹⁵.

Четырехзвенная структура объекта так же широко поддерживается в научных кругах¹⁶. В рамках данной дифференциации выделяют общий, родовой, видовой и непосредственный объекты.

Стоит отметить, что «видовой» объект был добавлен к уже сложившейся на тот момент классификации профессором Свердловского юридического института Е.А. Фроловым еще в 60-х годах прошлого столетия. Как отмечает Сундуrow Ф.Р., «видовой» объект занимает промежуточное место между «родовым» и «непосредственным»¹⁷.

Ориентируясь на предложенный Пашковской А.В. компромиссный вариант понимания объекта, как охраняемых правовых благ, включающих в себя в том числе общественные отношения, можно обозначить, что общим объектом изучаемого состава преступления является вся совокупность охраняемых общественных ценностей, отношений и благ.

¹⁴ Грачева, Ю.В. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / Ю. В. Грачева [и др.] ; под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2008. С. 115.

¹⁵ Сейчас о выделении трех видов объектов по вертикальной системе градации говорят такие ученые, как Брыка И.И., Аминов Д.И. [17, С. 119], Пашковская А.В. [22, С. 234].

¹⁶ Данной позиции придерживаются такие авторы, как А.И. Чучаев [21, С. 61], Семенов Д.А. [25, С. 115], Кочои С.М. [34, С. 35], Караханов А.Н. [23, С. 98].

¹⁷ Балеев, С. А. Уголовное право России. Общая часть: учебник / С. А. Балеев [и др.] ; под ред. Ф. Р. Сундуrow, И. А. Тарханова. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Статут, 2009. С. 203.

Родовым объектом исследуемого состава, как и всех преступлений против собственности (наряду с преступлениями в сфере экономической деятельности и преступлениями по службе в коммерческих и иных организациях), следует признать экономические отношения, обеспечивающие материальное благосостояние личности, общества и государства.

Видовой объект преступлений против собственности рассматривается в научных кругах неоднозначно. В частности, есть понимание видового объекта данной категории преступлений как собственности, которая представляет собой сложное социальное образование, имеющее экономическую и правовую стороны. В частности, С.М. Кочои указывает, что видовым объектом является собственность как категория двуединая (экономическая и правовая). Экономическое содержание собственности образуют отношения присвоения. Правовое содержание собственности составляют правомочия собственника, предоставленные ему законом¹⁸. Однако, есть более широкое понимание содержания видового объекта хищения, выходящее за рамки правоотношений собственности. Так, И.А. Клепицкий и А.В. Бриллиантов отмечают, что, несмотря на то, что видовым объектом принято считать правоотношения собственности, преступления, предусмотренные Главой 21 Уголовного кодекса РФ, могут быть связаны с нарушением не только права собственности, но и иных имущественных прав и интересов, в том числе и в рамках обязательственных отношений. Право собственности вообще может быть никак не затронуто преступлением против собственности. Отсюда следует, что преступления против собственности поражают отношения собственности не в юридическом, а в экономическом смысле¹⁹.

¹⁸ Кочои, С. М. Уголовное право. Общая и Особенная части: краткий курс / С. М. Кочои. – Москва : КОНТРАКТ, Волтерс Клувер, 2010. С. 185.

¹⁹ Блинников, В.А. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / В. А. Блинников [и др.] ; отв. ред. А. В. Бриллиантов – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2015. С. 453.

Непосредственный объект преступлений против собственности совпадает с видовым. Как справедливо отмечает Елисеев С.А., законодательством РФ предусмотрена равная защита всех форм собственности, поэтому для оценки содеянного как преступления против собственности не имеет значения субъектная принадлежность нарушенного права собственности²⁰.

Содержание права собственности раскрывается в статье 209 ГК РФ через правомочия владения, пользования и распоряжения. Нельзя не согласиться с С.А. Елисеевым, что юридическая сторона преступления против собственности заключается в нарушении юридического содержания отношений собственности – субъективного права собственности. Преступление нарушает это право как юридическое благо, предоставляющее субъекту общую правовую власть над принадлежащей ему вещью. В результате совершения преступления происходит умаление меры правового господства, закрепленной за субъектом – собственником того или иного имущества. Конечно, право собственности как таковое у потерпевшего сохраняется. Как собственник он вправе истребовать свое имущество из чужого незаконного владения, потребовать возмещения причиненного ему вреда. Однако очевидно, что ни о какой реализации потерпевшим прав владения, пользования и распоряжения своим имуществом по своему усмотрению в этом случае говорить нельзя. Эти правомочия у него юридически существуют, но реально не исполняются²¹.

Говоря о классификации объектов «по горизонтали», необходимо понять, является ли изучаемый состав преступления многообъектным. В многообъектных составах преступлений принято выделять основной, дополнительный и/или факультативный объекты.

²⁰ Басова, Т.Б. Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части: учебник / Т. Б. Басова [и др.] ; отв. ред. А. И. Чучаев. – Москва : КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2013. С. 399.

²¹ Елисеев, С. А. Преступления против собственности : курс лекций / С. А. Елисеев. – Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2018. С. 7-8.

Деление объектов на основные и дополнительные в отечественной юриспруденции впервые предложил Д.Н. Розенберг. Ученый руководствовался тем, что, поскольку преступление причиняет вред или создает угрозу причинения вреда в сфере не одного, а нескольких объектов, при квалификации деяния необходимо выделить то общественное отношение, которое в данном случае является главным, основным. Другие непосредственные объекты, в сфере которых данное преступление причиняет вред, будут дополнительными или факультативными²².

Как отмечает А.В. Пашковская, разграничение это проводится не по степени значимости объекта, а по его связи с родовым объектом преступлений данной группы. Дополнительный объект может быть как однородным, и тогда в законе он указывается в однозначной форме, так и разнородным, отраженным в законе в альтернативной форме. Для признания наличия состава преступления достаточно причинения ущерба хотя бы одному из дополнительных объектов²³.

Необходимость выделения дополнительного объекта чаще всего обусловлена спецификой способа преступного посягательства на основной объект, когда вред основному объекту причиняется посредством посягательства на дополнительный²⁴.

Следовательно, закономерно встает вопрос – только ли имущественным отношениям причиняется вред при совершении кражи с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств? Или же одновременно с имущественными правами потерпевшего происходит посягательство и на другой спектр общественных отношений?

²² Аминов, Д.И. Уголовное право России. Общая часть : учебник / Д. И. Аминов [и др.]; отв. ред. В. П. Ревин. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Юстицинформ, 2009.

²³ Белокобыльский, Н.Н. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник для вузов / Н. Н. Белокобыльский [и др.] ; под ред. В. С. Комиссарова, Н. Е. Крыловой, И. М. Тяжковой. – Москва : Статут, 2012. С. 235.

²⁴ Грачева, Ю.В. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / Ю. В. Грачева [и др.] ; под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2008. С. 121.

Представляется, что дополнительным объектом изучаемого состава преступления, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, можно считать установленный и охраняемый законодательством порядок осуществления экономической деятельности финансовой организации. Данное суждение основано на том, что при совершении кражи с банковского счета нарушается определенный гражданским законодательством порядок работы кредитной организации.

Порядок списания денежных средств с банковских счетов регламентируется Положением о порядке проведения операций по списанию средств с корреспондентских счетов (субсчетов) кредитных организаций, утвержденным Приказом Центрального Банка России от 01.03.1996 № 02-52. Данное Положение принято ЦБ РФ во исполнение статей 854-855 Гражданского кодекса РФ.

Согласно п. 1 ст. 854 ГК РФ, списание денежных средств со счета осуществляется банком на основании распоряжения клиента. При этом, пунктом 2 указанной статьи так же установлено, что без распоряжения клиента списание денежных средств, находящихся на счете, допускается по решению суда, а также в случаях, установленных законом или предусмотренных договором между банком и клиентом.

На данный момент распространена практика безакцептного списания денежных средств для погашения кредитных обязательств клиента перед банком. В этом случае при заключении кредитного договора между банком и заемщиком также заключается договор банковского счета, в котором сторонами согласовывается условие о том, что банк вправе с определенной периодичностью (как правило, до определенного числа расчетного месяца) осуществлять автоматическое безакцептное, то есть без отдельного согласия или распоряжения клиента, списание с банковского счета конкретной суммы для погашения финансовых обязательств клиента перед банком по кредитному договору.

То есть, для списания денежных средств с банковского счета так или иначе необходимо соответствующее волеизъявление владельца счета, либо вступившее в законную силу судебное решение. Иные несанкционированные списания, без согласия клиента банка, в отсутствие каких-либо предусмотренных законом или судебным актом оснований, будут являться неправомерными и нарушат порядок осуществления движения средств по банковскому счету. Иными словами, при совершении хищения с банковского счета имеет место нарушение порядка работы финансовой организации, а поскольку экономическая деятельность финансовых организаций относится к общественным отношениям, охраняемым действующим законодательством Российской Федерации, следовательно, данные отношения можно считать дополнительным непосредственным объектом состава преступления, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ.

Помимо дополнительного объекта специфическим признаком изучаемого состава преступления является его предмет.

Под предметом преступления, как признаком объекта состава преступления, понимается «предмет внешнего мира, воздействуя на который виновный причиняет вред объекту уголовно-правовой охраны»²⁵.

В целом, предметом кражи принято считать имущество, обладающее рядом обязательных признаков²⁶:

- физический признак (характеризует имущество, как объективно существующую вещь, имеющую материальную, осязаемую форму);
- юридический признак (предполагает обязательную принадлежность предмета хищения другому лицу, в связи с чем не может быть предметом кражи собственное или бесхозное имущество);
- экономический признак (подразумевает обладание предмета хищения какой-либо объективной ценностью, определенной стоимостью) - применительно к вопросу об определении стоимости похищенного Пленум

²⁵ Кочои, С. М. Уголовное право. Общая и Особенная части: краткий курс / С. М. Кочои. – Москва : КОНТРАКТ, Волтерс Клувер, 2010. С. 36.

²⁶ Данной позиции придерживаются, в частности, Е.В. Благоев [19, С. 221], С.М. Кочои [37, С. 84].

Верховного Суда РФ в пункте 25 Постановления № 29 от 27.12.2002 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» указал, что в этом случае следует исходить из фактической стоимости имущества на момент совершения преступления, а при отсутствии сведений о цене стоимость похищенного имущества может быть установлена на основании заключения экспертов²⁷;

- социальный признак (предполагает, что к соответствующей вещи должен быть приложен человеческий труд, вычлняющий ее из естественного состояния и вовлекающий в товарооборот) – стоит отметить, что не все ученые поддерживают выделение данного признака как самостоятельного²⁸.

Очевидно, что описание предмета кражи через перечисленные выше признаки не совсем подходит составу преступления, предусмотренному п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, поскольку материальный и социальный признаки невозможно применить к описанию предмета изучаемого состава преступления. Специфика предмета кражи с банковского счета и электронных денежных средств заключается, прежде всего, в неосязаемом, безналичном характере предмета кражи, его «виртуальности», не требующей от преступника непосредственного физического воздействия для совершения кражи.

Безусловно, можно возразить, что перечисленные с банковского счета средства, равно как и электронные деньги можно обналичить, придав им тем самым материальную, осязаемую форму, что будет соответствовать материальному и социальному признаку предмета хищения. Однако, для совершения хищения, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, обналичивание похищенных денежных средств не является обязательным.

²⁷ О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: Пост. ПВС РФ от 27 дек. 2002 г. № 29 // БВС РФ.– 2003. – № 2.

²⁸ К примеру, И.Я. Козаченко [37, С. 84], а также А.В. Бриллиантов и И.А. Клепицкий [23, С. 456] относят овеществленный труд, позволяющий отделить предмет хищения от окружающей природной среды, к экономическому критерию.

Так, как справедливо отмечают А.В. Бриллиантов и И.А. Клепицкий, «до недавнего времени рекомендовалось считать оконченным хищение денег с банковского счета с момента их обналичивания. В связи с развитием системы безналичных расчетов, в том числе и с участием граждан, распространением новых банковских технологий, ситуация изменилась и практика пошла по другому пути. Уже с момента поступления денег на банковский счет (расчетный, "карточный" и др.) преступника он имеет реальную возможность распорядиться этими деньгами»²⁹.

Ранее в науке уголовного права не было однозначного ответа на вопрос, могут ли являться безналичные денежные средства предметом кражи. Некоторые авторы, размышляя на эту тему, приходили к выводу, что безналичные денежные средства не могут быть предметом хищения, поскольку это не имущество, а имущественное право владельца безналичных денежных средств, которое он может по своему усмотрению реализовать путем распоряжения или обналичивания данных денежных средств (сейчас такой подход к пониманию природы безналичных денежных средств полностью соответствует позиции гражданского законодательства – в статье 128 Гражданского кодекса РФ безналичные денежные средства указаны как частный случай имущественных прав).

Так, Т. М. Лопатина, анализируя внедрение информационных технологий в финансовую сферу, высказала мнение, что «в компьютерах и компьютерных сетях хранятся не деньги или имущество, а информация о них или об их движении», а информацию, в свою очередь, «нельзя признать элементарным имуществом, она не обладает экономическими, социальными и юридическими признаками, характеризующими чужое имущество как предмет хищения»³⁰. А.В. Шульга также разделяет мнение о том, что при хищении банковских карт или безналичных денежных средств предметом

²⁹ Блинников, В.А. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / В. А. Блинников [и др.] ; отв. ред. А. В. Бриллиантов – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2015. С. 455.

³⁰ Лопатина, Т. М. Проблемы уголовно-правовой защиты сфер компьютерной информации: современный взгляд на мошенничество / Т. М. Лопатина // Право и безопасность. – 2013. – № 3. – С. 93.

посягательства является информация, которая есть на этой карте или хранится в банке. Тем не менее, в отличие от Т.М, Лопатиной, указанный автор считает возможным воспринимать данную информацию в качестве предмета хищения³¹.

Кроме того, имело место мнение, согласно которому, когда речь идет о завладении безналичными денежными средствами, предметом хищения следует считать не сами безналичные денежные средства, а материальный носитель, позволяющий их обналичить. Так, к примеру, по мнению В.И. Плоховой, «в случаях посягательства на безналичные деньги и ценные бумаги предметом преступления является носитель (закрепитель, удостоверяющий) права на получение имущества»³².

Критикуя данный подход, Н.А. Лопашенко справедливо указывает, что при восприятии материального носителя безналичных денежных средств не как средства преступления, а как его предмета, возникает риск неправильной квалификации деяния на стадии приготовления к хищению. Автор пишет; «Разница между тем принципиальная: хищение средств совершения преступления расценивается лишь как приготовление к хищению и в связи с этим наказуемо далеко не всегда (только если готовится тяжкое или особо тяжкое преступление); хищение предмета преступления является окончанным хищением»³³.

Сейчас, с принятием Федерального закона № 111-ФЗ от 23.04.2018, споры по данному вопросу должны прекратиться, поскольку законодатель однозначно дал понять, что как безналичные, так и электронные денежные средства могут быть самостоятельным предметом кражи.

Сопоставляя понятие безналичных и электронных денежных средств, необходимо осознавать, что данные правовые категории нетождественны.

³¹ Лопашенко, Н. А. Посягательства на собственность: монография / Н. А. Лопашенко. – Москва : Норма, Инфра-М, 2012. С. 91.

³² Плохова, В. И. Деньги и ценные бумаги как предмет преступления против собственности / В. И. Плохова // Уголовное право. – 2002. – № 4. – С. 31-32.

³³ Лопашенко, Н. А. Посягательства на собственность: монография / Н. А. Лопашенко. – Москва : Норма, Инфра-М, 2012. С. 89.

Примечательным является суждение Танимова О.В. о правовой природе денег – автор называет деньги «самой распространенной фикцией всего цивилизованного человечества». При этом, безналичные и электронные денежные средства, потоки которых циркулируют через виртуальные счета, Танимов О.В. называет фикцией, порожденной наличными деньгами благодаря информационно-цифровым технологиям.³⁴

Действующее законодательство не содержит дефиниции денежных средств, и даже статья 140 ГК РФ, именуемая «Деньги (валюта)», лишь закрепляет рубль в качестве законного платежного средства на территории РФ, а также устанавливает, что платежи на территории РФ осуществляются путем наличных и безналичных расчетов, не приводя при этом официального определения денег как объекта гражданских прав.

В свою очередь, в науке под денежными средствами или деньгами принято понимать «особый вид универсального товара, используемого в качестве всеобщего эквивалента, посредством которого выражается стоимость всех других товаров»³⁵.

Определение электронных денежных средств закреплено п. 18 ст. 3 Федерального закона "О национальной платежной системе" – это денежные средства, которые предварительно предоставлены одним лицом (лицом, предоставившим денежные средства) другому лицу, учитывающему информацию о размере предоставленных денежных средств без открытия банковского счета (обязанному лицу), для исполнения денежных обязательств лица, предоставившего денежные средства, перед третьими лицами и в отношении которых лицо, предоставившее денежные средства, имеет право передавать распоряжения исключительно с использованием электронных средств платежа. При этом не являются электронными денежными средствами денежные средства, полученные организациями,

³⁴ Танимов, О. В. Влияние цифровых технологий на появление новых структурных элементов системы права / О. В. Танимов // Российская юстиция. – 2019. – № 7. – С. 2-5.

³⁵ Райзберг, Б. А. Современный экономический словарь [Электронный ресурс] / Б. А. Райзберг, Л. Ш. Лозовский, Е. Б. Стародубцева - 6-е изд., перераб. и доп. – Москва : ИНФРА-М, 2011. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

осуществляющими профессиональную деятельность на рынке ценных бумаг, клиринговую деятельность, деятельность по организации привлечения инвестиций и (или) деятельность по управлению инвестиционными фондами, паевыми инвестиционными фондами и негосударственными пенсионными фондами и осуществляющими учет информации о размере предоставленных денежных средств без открытия банковского счета в соответствии с законодательством, регулирующим деятельность указанных организаций.³⁶

В науке мнения относительно правовой природы электронных денежных средств разделились. В частности, М.А. Коростелев относит электронные деньги к праву требования владельца электронных денег к их эмитенту (оператору по переводу электронных денег) об их погашении (обмене на наличные или безналичные деньги)³⁷. В свою очередь, А.Я. Курбатов электронные деньги (согласно терминологии автора "виртуальные денежные единицы") не рассматривает в качестве денежных средств, а относит их к форме безналичных расчетов. Он обосновывает свое мнение следующими аргументами: каждый оператор виртуальных денег использует свое наименование денежных единиц; оборот электронных денег возможен только в пределах одной платежной системы в отличие от денег, которыми можно погасить любое денежное обязательство; виртуальные валюты являются предоплаченными финансовыми продуктами, то есть создание таких валют требует финансового обеспечения (при их вводе в электронную платежную систему требуется уплата денег); возможность обезличенной, анонимной формы расчетов в отличие от безналичных расчетов, где обязательна идентификация личности плательщика³⁸.

³⁶ О национальной платежной системе: ФЗ РФ от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ // Российская газета. – 2011. – № 139.

³⁷ Коростелев, М. А. Оборот электронных денежных средств: гражданско-правовые вопросы / М. А. Коростелев // Журнал российского права. – 2013. – № 12. – С. 130-135.

³⁸ Курбатов, А. Я. Правовое регулирование электронных платежных систем по законодательству Российской Федерации / А. Я. Курбатов // Хозяйство и право. – 2007. – № 9. – С. 68-84.

Отнесение электронных денежных средств к безналичной форме расчетов находит свое отражение и в нормативном регулировании данного вопроса.

Положение Банка России от 19.06.2012 № 383-П «О правилах осуществления перевода денежных средств» указывает расчеты в форме перевода электронных денежных средств в качестве одной из форм безналичных расчетов наряду с платежными поручениями, аккредитивами, инкассовыми поручениями, чеками и прямым дебетованием³⁹.

Свой взгляд на соотношение электронных и безналичных денежных средств обозначил Пленум Верховного Суда Российской Федерации. Так, в пункте 1 Постановления Пленума ВС РФ от 07.07.2015 № 32 (ред. от 26.02.2019) "О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем" указано, что под денежными средствами понимаются наличные денежные средства в валюте Российской Федерации или в иностранной валюте, а также безналичные денежные средства, в том числе электронные денежные средства⁴⁰. Примечательно, что предшествующая редакция ПП ВС РФ от 07.07.2015 № 32 перечисляла безналичные и электронные денежные средства в одном ряду при определении денежных средств, тем самым разделяя их. На данный момент приведенная актуальная формулировка Постановления подтверждает, что электронные денежные средства рассматриваются как одна из форм безналичных денежных средств.

Вместе с тем, как отмечают Кирилловых А.А. и Овсюков Д.А., «не для всех возможных на сегодняшний день средств платежа вопрос решен так однозначно. В частности, статус электронных валют, которые не признаются ФЗ "О национальной платежной системе" в качестве средства платежа,

³⁹ О правилах осуществления перевода денежных средств: Положение ЦБ РФ от 19 июня. 2012 г. № 383-П // Вестник Банка России. – 2012. – № 34.

⁴⁰ О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем: Пост. ПВС РФ от 07 июля. 2015 г. № 32 // БВС РФ. – 2015. – № 9.

остаётся неопределённым. Одной из неразрешённых проблем является фактический статус оператора той или иной системы осуществления расчетов. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 12 ФЗ "О национальной платёжной системе" лицо, не являющееся оператором электронных денежных средств, не вправе становиться обязанным по электронным денежным средствам и осуществлять перевод электронных денежных средств. Учитывая это, уполномоченные в сфере организации расчетов органы в целом поддерживают позицию законодателя»⁴¹. В частности, Банк России отмечает: «Открытие "электронных кошельков" на интернет-сайтах лицами, не являющимися кредитными организациями, в целях использования данных "электронных кошельков" физическими лицами для расчетов с поставщиками услуг (товаров, работ) является нарушением законодательства Российской Федерации»⁴².

В то же время такая деятельность все же осуществляется некоторыми системами (например, владельцем и администратором системы расчетов on-line "WebMoney" является компания WM Transfer Ltd, управляющей компанией - Международная адвокатская компания UAB "DEED BALTIC", однако ни одно из этих лиц не включено в перечень операторов электронных денежных средств, несмотря на то, что эта система осуществляет деятельность на территории РФ). Кирилловых А.А. и Овсяков Д.А. предлагают считать электронные деньги, не регулируемые Федеральным законом от 27.06.2011 № 161-ФЗ "О национальной платёжной системе", правом требования, в связи с чем такие электронные денежные средства смогут быть предметом преступлений против собственности как "право на имущество"⁴³.

⁴¹ Кирилловых, А. А. Электронные средства платежа: проблемы гражданско-правовой природы и уголовно-правовой / А. А. Кирилловых, Д. А. Овсяков // Право и экономика. – 2019. – № 1. – С. 62-70.

⁴² О применении отдельных положений Федерального закона "О национальной платёжной системе": Информация ЦБ РФ от 28 фев. 2013 г. // Вестник Банка России. – 2013. – № 15.

⁴³ Кирилловых, А. А. Электронные средства платежа: проблемы гражданско-правовой природы и уголовно-правовой / А. А. Кирилловых, Д. А. Овсяков // Право и экономика. – 2019. – № 1. – С. 62-70.

Еще одной проблемной сферой электронной финансовой системы является использование криптовалюты.

Степанов О.А. справедливо указывает на отсутствие нормативной базы, связанной с использованием криптовалюты, что способствует распространению криминогенных проявлений в данной сфере. По мнению Степанова О.А., «правовая незащищенность криптосферы, подверженной криминогенным рискам, делает ее социально опасной.»⁴⁴.

Криптовалютой является электронный механизм обмена, цифровой актив, эмиссия и учет которого зачастую децентрализованы. Функционирование системы происходит в рамках распределенной компьютерной сети. Таким образом, криптовалюта является цифровой валютой. Самым известным видом криптовалют можно признать биткоин (англ. Bitcoin, от bit - "бит" и coin - "монета"), хотя существуют и иные виды криптовалют: Litecoin (от англ. lite - "легкий", англ. coin - "монета"), Ethereum и многие другие (по состоянию на март 2015 г. общее количество криптовалют превышало 2 000, но данный числовой показатель нестабилен, поскольку некоторые виды криптовалют исчезают, и, напротив, появляются новые виды).⁴⁵

Суть применения криптовалюты заключается в прямом проведении конфиденциальных транзакций, без посредничества привычных финансовых институтов – банков, иных лицензированных финансовых организаций. Деятельность платежных криптовалютных систем, как правило, не имеет единого центра управления, и администрирование транзакций осуществляется неопределенным неидентифицированным кругом лиц. При такой схеме контроль функционирования рынка криптовалюты практически невозможен, а расследование преступлений, совершенных с криптовалютой, крайне затруднительно, поскольку у правоохранительных органов

⁴⁴ Голованова, Н.А. Уголовно-юрисдикционная деятельность в условиях цифровизации: монография / Н. А. Голованова [и др.] – Москва : ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2019. С. 30.

⁴⁵ Кирилловых, А. А. Электронные средства платежа: проблемы гражданско-правовой природы и уголовно-правовой / А. А. Кирилловых, Д. А. Овсяков // Право и экономика. – 2019. – № 1. – С. 62-70.

отсутствует механизм получения информации о сути и участниках транзакций. Иными словами, как пишут Кучеров И.И. и Зайцев О.А., «в таких системах фактически отсутствуют субъекты, которым могли бы быть адресованы официальные запросы правоохранительных органов о предоставлении информации и документов, а анонимность и отсутствие требований по обязательной идентификации участников таких переводов существенно затрудняют установление лиц, причастных к их совершению»⁴⁶.

Многие авторы разделяют обеспокоенность по поводу невозможности контроля сферы оборота криптовалюты. М.В. Молчанов пишет, что полное отсутствие возможности контролировать или отменять транзакции, анонимность операций, ограниченное количество единиц валюты, которое может быть выпущено в оборот, являются особенностями криптовалют на современном этапе развития⁴⁷. Кирилловых А.А. и Овсяков Д.А. при этом указывают, что в связи с такими особенностями криптовалют, как децентрализация, отсутствие регулятора валюты, невозможность отмены платежа, отсутствие закрепления за валютой какого-либо государства, криптовалюты не могут быть признаны электронными деньгами⁴⁸.

Центральный Банк России, понимая потенциальную опасность внедрения криптовалюты для национальной финансовой системы, четко обозначил свое отношение к складывающейся ситуации, опубликовав Информацию от 27.01.2014 "Об использовании при совершении сделок "виртуальных валют", в частности Биткойн", в которой указано, что у биткойнов отсутствует обеспечение и юридически обязанные по ним субъекты, в связи с чем операции с валютой являются спекулятивными и

⁴⁶ Голованова, Н.А. Уголовно-юрисдикционная деятельность в условиях цифровизации: монография / Н. А. Голованова [и др.] – Москва : ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2019. С. 61.

⁴⁷ Молчанов, М. В. Криптовалюта: понятие и проблемы / М. В. Молчанов // Science Time. – 2014. – № 10. – С. 300-303.

⁴⁸ Кирилловых, А. А. Электронные средства платежа: проблемы гражданско-правовой природы и уголовно-правовой / А. А. Кирилловых, Д. А. Овсяков // Право и экономика. – 2019. – № 1. – С. 62-70.

несут высокий риск потери стоимости⁴⁹. На фоне издания данной Информации в научных кругах появилось мнение, что криптовалюта приравнивается к денежному суррогату, а согласно ст. 27 Федерального закона от 10.07.2002 № 86-ФЗ "О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)", единственной официальной денежной единицей (валютой) Российской Федерации является рубль, и введение на территории Российской Федерации других денежных единиц и выпуск денежных суррогатов запрещаются⁵⁰.

Анализируя криптовалюту с позиции предмета уголовно-правовой охраны, Кирилловых А.А. и Овсюков Д.А. закономерно приходят к выводу, что криптовалюты, в том числе биткоин, можно признать предметом преступлений против собственности только в качестве "иных действий имущественного характера", заключающихся в передаче биткоинов от одного лица другому, а этот вид предмета преступления охраняется только ст. 163 УК РФ (вымогательство) и, следовательно предметом иных составов преступлений против собственности криптовалюты являться не будут.⁵¹

Таким образом, на текущий момент в части изучения объекта преступления, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, наиболее дискуссионными являются вопросы рассмотрения электронных денежных средств, как предмета указанного преступления. Так, имеет место неоднозначное понимание правовой природы электронных денежных средств (как имущественного права, как формы безналичных расчетов, как формы безналичных денежных средств), их соотношение с безналичными денежными средствами, актуален вопрос правовой защиты электронных денег, которые не рассматриваются как законные средства платежа на территории РФ (в частности, к таковым относятся получившие

⁴⁹ Об использовании при совершении сделок "виртуальных валют", в частности Биткойн: Информация ЦБ РФ от 27 янв. 2014 г. // Вестник Банка России. – 2014. – № 11.

⁵⁰ О Центральном банке Российской Федерации (Банке России): ФЗ РФ от 10 июля. 2002 г. № 86-ФЗ // Российская газета. – 2002. – № 127.

⁵¹ Кирилловых, А. А. Электронные средства платежа: проблемы гражданско-правовой природы и уголовно-правовой / А. А. Кирилловых, Д. А. Овсюков // Право и экономика. – 2019. – № 1. – С. 62-70.

распространение в последние годы системы онлайн расчетов и «электронные кошельки», функционирующие на базе платформ, созданных лицами, не являющимися кредитными организациями, а также денежные суррогаты, включая различные виды криптовалют).

Представляется, что наилучшим способом прекращения дискуссий по обозначенным выше проблемам было бы изложение официальной позиции Верховного Суда РФ по вопросу оборота электронных денежных средств, поскольку в отличие от законодателя Верховный Суд РФ не связан сухостью юридической техники и имеет возможность в актах судебного толкования более подробно и всеобъемлюще изложить свое понимание проблемных аспектов электронного денежного оборота, и данная позиция стала бы ориентиром для всех правоприменительных сфер.

1.2 Объективная сторона преступления, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ

Сложно переоценить значимость такого элемента состава преступления, как объективная сторона, ведь именно признаки объективной стороны состава преступления в большей степени влияют на квалификацию действий виновного лица и позволяют соотнести реальные действия с конкретной нормой Особенной части Уголовного кодекса РФ.

Как справедливо отмечает И.М. Тяжкова, «любое поведение человека имеет внешние (объективные) и внутренние (субъективные) признаки. Внешние признаки - поведение, поступки и деятельность конкретных людей, внутренние - волевые и психические процессы. Они образуют психофизическое и поведенческое единство. Их отдельный анализ обусловлен необходимостью более полного их познания.»⁵²

⁵² Белокобыльский, Н.Н. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник для вузов / Н. Н. Белокобыльский [и др.] ; под ред. В. С. Комиссарова, Н. Е. Крыловой, И. М. Тяжковой. – Москва : Статут, 2012. С. 240.

М.В. Талан, высказывая схожую позицию, в свою очередь отмечает, что «разделение единого поведения человека на внешнюю и внутреннюю стороны носит условный характер, однако это помогает понять природу человеческих поступков, определить их причины. Именно внешняя сторона поведения поддается всесторонней оценке, воспринимается другими людьми. Внешняя сторона преступного поведения человека (actus reus) и образует объективную сторону преступления.»⁵³

Наиболее распространенным является понимание объективной стороны преступления как совокупность признаков, характеризующих внешний акт конкретного общественно опасного посягательства на охраняемый объект⁵⁴.

Однако, нельзя не согласиться с А.И. Чучаевым, что изложенный подход позволяет рассматривать объективную сторону состава преступления как статическое явление, поскольку характеристика объективной стороны исключительно как внешнего проявления преступного деяния не отражает всей динамики преступного процесса. Как пишет указанный автор, основываясь на мнении В.Н. Кудрявцева, рассматривая динамический подход к пониманию объективной стороны, «под данным элементом состава преступления принято считать процесс общественно опасного и противоправного посягательства на охраняемые законом интересы, воспринимаемый с его внешней стороны, с точки зрения последовательного развития тех событий и явлений, которые начинаются с преступного действия (бездействия) лица и заканчиваются наступлением преступного результата»⁵⁵. Так же, базируясь на мнении В.Н. Кудрявцева, В.Ф. Цепелев

⁵³ Балеев, С.А. Уголовное право России. Общая часть: учебник / С. А. Балеев [и др.] ; под. ред. Ф. Р. Сундунова, И. А. Тарханова. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Статут, 2009. С. 218.

⁵⁴ Данного мнения придерживаются А.И. Чучаев [46, С. 128], С.М. Кочои [27, С. 101], Цепелев В.Ф. [41, С. 267], Кауфман М.А. [43, С. 210].

⁵⁵ Грачева, Ю.В. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / Ю. В. Грачева [и др.] ; под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2008. С. 128.

приходит к выводу, что «объективная сторона - это процесс, протекающий во времени и пространстве, а не статическое, застывшее явление»⁵⁶.

Таким образом, понятие объективной стороны состава преступления может быть рассмотрено с разных ракурсов – как статичное понятие, отражающее внешнее проявление преступного посягательства, и как динамичная категория, позволяющая изучить процесс совершения преступления с момента начала совершения преступления до окончательного наступления противоправного результата.

Представляется, что динамический подход к определению объективной стороны состава преступления в большей степени применим к материальным составам, в которых обязательными признаками помимо самого преступного деяния являются последствия и причинная связь. В формальных составах преступлений обязательным признаком является лишь преступное деяние (то есть, общественно опасное противоправное действие/бездействие).

Признаки объективной стороны можно разделить на две группы: обязательные и факультативные.

Как уже было указано, в материальных составах преступлений, а именно к таковым относится изучаемый состав кражи с банковского счета и электронных денежных средств, обязательными признаками являются противоправные общественно опасные действия или бездействие, их последствия и причинная связь между преступным деянием и наступившими последствиями. Данная точка зрения является наиболее распространенной, и, в частности, Кауфман М.А. применительно к материальным составам преступления указывает, что «обязательными эти признаки в теории уголовного права называют потому, что без них невозможно сконструировать ни один состав преступления»⁵⁷.

⁵⁶ Аминов, Д.И. Уголовное право России. Общая часть : учебник / Д. И. Аминов [и др.]; отв. ред. В. П. Ревин. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Юстицинформ, 2009. С. 139.

⁵⁷ Блинников, В.А. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / В. А. Блинников [и др.] ; отв. ред. А. В. Бриллиантов – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2015. С. 298.

Однако, нельзя не упомянуть об особом взгляде на причинную связь между деянием и последствиями – Тяжкова И.М. пишет: «Причинная связь между общественно опасным действием (бездействием) и его последствиями не обладает чертами элемента состава преступления. Она суть всеобщая объективная диалектическая закономерность, без какой-либо уголовно-правовой детерминационной специфики.»⁵⁸

Тем не менее, за основу описания объективной стороны состава преступления, предусмотренного пунктом «г» части 3 статьи 158 Уголовного кодекса РФ, будет взят более распространенный в научных кругах подход, признающий причинную связь обязательным признаком материального состава преступления.

Итак, обособленно рассмотрим каждый обязательный признак объективной стороны изучаемого состава преступления,

1) Прежде всего, рассмотрим деяние (действия или бездействие), как признак объективной стороны состава преступления. Остановимся на изучении данного признака более подробно, поскольку он, в отличие от последствий и причинной связи, имеет специфические особенности, позволяющие выделить изучаемый состав преступления среди иных форм и видов хищений.

Под данным признаком объективной стороны состава преступления понимается общественно опасное, противоправное, осознанное, волевое, конкретное и сложное по характеру активное или пассивное поведение, причинившее вред или создавшее угрозу причинения вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям⁵⁹. Уже из приведенной формулировки видно, что выделяется две формы возможного преступного поведения: активная (действия) и пассивная (бездействие).

⁵⁸ Белокобыльский, Н.Н. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник для вузов / Н. Н. Белокобыльский [и др.] ; под ред. В. С. Комиссарова, Н. Е. Крыловой, И. М. Тяжковой. – Москва : Статут, 2012. С. 242.

⁵⁹ Такое определение, в частности, приводится С.М. Кочои [34, С. 36], А.И. Чучаевым [25, С. 64].

Если говорить о бездействии, то оно заключается в невыполнении лицом возложенной на него правовой обязанности, при наличии реальной возможности ее выполнения, если такое невыполнение повлекло или создало угрозу причинения вреда объекту уголовно-правовой охраны. Как отмечает С.М. Кочои, по степени полноты выполнения возложенной обязанности бездействие можно подразделить на «чистое бездействие», при котором лицо полностью не выполняет возложенные на него обязанности, и «смешанное бездействие», при котором лицо, выполняя возложенные на него обязанности, выполняет их не в полном объеме или ненадлежащим образом⁶⁰.

Представляется, что кража с банковского счета и кража электронных денежных средств могут быть совершены только в активной форме, путем совершения конкретных действий, направленных на неправомерное завладение чужим имуществом. Иными словами, объективная сторона изучаемого состава преступления может заключаться только в действии.

Наиболее полное определение действия, как признака объективной стороны состава преступления, дано В.Ф. Цепелевым, который указывает, что «действие - это активное поведение, которое не сводится к обычному рефлекторному, инстинктивному телодвижению человека, а включает осознанные волевые акты, поступки, в том числе и процессы, направляемые сознанием человека, а именно действия других лиц (малолетних, душевнобольных), поведение животных (чаще всего собак), работу механизмов (транспортных средств, компьютерной техники и др.)»⁶¹

Представляется, что определение, предложенное В.Ф. Цепелевым, в большей степени отражает суть преступного действия применительно к изучаемой теме, поскольку кража с банковского счета и кража электронных денежных средств предполагает использование механизмов и устройств

⁶⁰ Кочои, С. М. Уголовное право. Общая и Особенная части: краткий курс / С. М. Кочои. – Москва : КОНТРАКТ, Волтерс Клувер, 2010. С. 37.

⁶¹ Аминов, Д.И. Уголовное право России. Общая часть : учебник / Д. И. Аминов [и др.]; отв. ред. В. П. Ревин. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Юстицинформ, 2009. С. 144.

(компьютерной и электронной техники, банковских терминалов и т.д.), обеспечивающих незаконный доступ к источнику безналичных или электронных денежных средств потерпевшего.

Как и любая кража, изучаемый состав преступления является разновидностью хищения и обладает всеми его признаками. Понятие хищения закреплено в примечании 1 к статье 158 Уголовного кодекса РФ, согласно которому под хищением понимаются совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества.

Уже исходя из представленной дефиниции можно сделать вывод, что объективная сторона любого хищения может быть выражена в следующих действиях:

- изъятие чужого имущества;
- обращение чужого имущества в пользу виновного или иного лица;
- изъятие и обращение чужого имущества в пользу виновного или иного лица.

Все перечисленные действия должны быть совершены в условиях противоправности и безвозмездности.

Противоправность, как справедливо указывает И.А. Клепицкий, предполагает не просто запрет деяния уголовным законом, а в более широком смысле – «отсутствие права на изъятие, пользование или распоряжение имуществом»⁶². При этом, наличие действительного или даже предполагаемого права на имущество исключает признаки хищения и, как указано в пункте 26 П ПВС РФ от 30.11.2017 № 48 "О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате", действия виновного лица в этом случае могут быть квалифицированы как самоуправство при наличии признаков состава, предусмотренного ст. 330 УК РФ.

⁶² Блинников, В.А. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / В. А. Блинников [и др.] ; отв. ред. А. В. Бриллиантов – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2015. С. 458.

Безвозмездность, в свою очередь, предполагает отсутствие полного эквивалентного возмещения стоимости утраченного владельцем имущества. При этом, даже частичное возмещение или замена похищенного имущества на менее ценное не исключают безвозмездности, и, как следует из пункта 30 ПП ВС РФ от 30.11.2017 № 48, деяние при таких обстоятельствах квалифицируется как хищение в размере стоимости изъятого имущества.⁶³

Изъятие чужого имущества предполагает выбытие имущества из владения его хозяина.

Право владения является гражданско-правовой категорией, и в теории гражданского права, в отсутствие законодательно закреплённого понятия, под владением понимается фактическое господство лица над вещью. Право владения является одним из правомочий собственника в соответствии с п. 1 ст. 209 ГК РФ. Однако, уголовным законодательством защищены права не только собственников имущества, но и других законных владельцев – в том числе, обладающих имуществом на праве хозяйственного ведения (ст. 294 ГК РФ), оперативного управления (ст. 296 ГК РФ), либо приобретших имущество во временное пользование на основании договора аренды (ст. 606 ГК РФ), ссуды (ст. 689 ГК РФ) или на ином законном основании.

Нельзя не согласиться с И.А. Клепицким и А.В. Бриллиантовым, указывающими, что «вещь сохраняется во владении ее хозяина и в том случае, когда он по тем или иным причинам временно оставляет ее без присмотра»⁶⁴. Представляется, что данное суждение применимо и к безналичным и электронным денежным средствам, которые не имеют признака материального объекта, не осязаемы и вследствие этого находятся вне поля зрения владельца. Владение таким имуществом осуществляется не в физическом, а в правовом смысле, предполагающем юридически закреплённую принадлежность данного имущества их владельцу и

⁶³ О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: Пост. ПВС РФ от 30.11.2017 № 48 // БВС РФ. – 2018. – № 2.

⁶⁴ Блинников, В.А. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / В. А. Блинников [и др.] ; отв. ред. А. В. Бриллиантов – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2015. С. 459.

обеспечивающем потенциальную возможность владельца совершать те или иные действия с данным имуществом (обналичивание, перечисление на другие счета и т.д.). Иными словами, даже не обладая безналичными или электронными денежными средствами в физическом смысле, как объектами материального мира, законный владелец продолжает владеть такого рода денежными средствами, а право владения и в этом случае защищено уголовным законом.

Под обращением имущества в пользу виновного или иного лица понимается обеспечение фактической возможности указанных лиц владеть, пользоваться и распоряжаться чужим имуществом как собственным⁶⁵

Как уже говорилось выше, исходя из понятия хищения, закрепленного в примечании к статье 158 УК РФ, объективную сторону состава хищения образуют изъятие и обращение чужого имущества в пользу виновного или иных лиц (как при совместном, так и при обособленном наличии данных действий).

Однако, в научных кругах высказана точка зрения, отвергающая возможность рассмотрения изъятия и обращения чужого имущества в пользу иных лиц, как самостоятельных, обособленных действий. Так, С.А. Елисеев пишет, что «изъятие и обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц представляют собой не два самостоятельных действия, а два элемента одного действия, одного процесса - завладения чужим имуществом»⁶⁶. Действительно, сложно представить ситуацию, при которой произошло бы обращение чужого имущества в пользу виновного или иных лиц без выбытия данного имущества из владения потерпевшего, то есть без изъятия имущества у владельца. Однако, конструкция примененной законодателем формулировки с использованием альтернативных вариантов соединительного союза «и» и разделительного союза «или» не позволяет

⁶⁵ Блинников, В.А. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / В. А. Блинников [и др.] ; отв. ред. А. В. Бриллиантов – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2015. С. 459.

⁶⁶ Басова, Т.Б. Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части: учебник / Т. Б. Басова [и др.] ; отв. ред. А. И. Чучаев. – Москва : КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2013. С. 403.

согласиться с приведенной позицией С.А. Елисеева, несмотря на всю логичность его суждений.

На текущий момент не совсем ясно, какое из перечисленных действий – изъятие имущества или его обращение в пользу виновного или иных лиц – образует состав кражи с банковского счета, а равно электронных денежных средств.

С одной стороны, по общему правилу, кража считается оконченной только при наличии признаков одновременно и изъятия чужого имущества, и обращения его в пользу виновного или иных лиц. То есть, для признания наличия в действиях виновного признаков состава преступления в объективную сторону состава должны входить оба перечисленных действия. Такой подход к определению момента окончания хищения в форме кражи активно поддерживается в научных кругах (в частности, И.А. Клепицким и А.В. Бриллиантовым⁶⁷), и основан он на официальных разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ, изложенных в пункте 6 ПП ВС РФ № 29 от 27.12.2002 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое». Так, в пункте 6 ПП ВС РФ № 29 указано, что кража и грабеж считаются оконченными, если имущество изъято и виновный имеет реальную возможность им пользоваться или распоряжаться по своему усмотрению⁶⁸ – то есть, по сути, Верховным Судом РФ признано, что момент окончания кражи – момент изъятия и обращения имущества в пользу виновного или иного лица.

Вместе с тем, пунктом 5 ПП ВС РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» установлено следующее: если предметом преступления при мошенничестве являются безналичные денежные средства, в том числе электронные денежные средства, то по смыслу положений пункта 1 примечаний к статье 158 УК РФ и статьи 128 Гражданского кодекса Российской Федерации содеянное

⁶⁷ Блинников, В.А. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / В. А. Блинников [и др.] ; отв. ред. А. В. Бриллиантов – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2015. С. 460.

⁶⁸ О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: Пост. ПВС РФ от 27 дек. 2002 г. № 29 // БВС РФ. – 2003. – № 2.

должно рассматриваться как хищение чужого имущества. Такое преступление следует считать оконченным с момента изъятия денежных средств с банковского счета их владельца или электронных денежных средств, в результате которого владельцу этих денежных средств причинен ущерб.⁶⁹

Таким образом, указанными выше Постановлениями Пленума ВС РФ № 29 от 27.12.2002 и № 48 от 30.11.2017 установлены разные моменты окончания кражи. С большой долей вероятности можно предположить, что кража безналичных и электронных денежных средств в части определения момента окончания преступления является исключением из общего правила, установленного для кражи в целом. Однако, весомость вопроса не позволяет основываться на предположениях, и, представляется, что данное противоречие должно быть устранено на уровне актов Верховного Суда РФ, для чего целесообразно первое предложение в п. 6 ПП ВС РФ № 29 от 27.12.2002 изложить в следующей редакции: «Кража и грабеж считаются оконченными, если имущество изъято и виновный имеет реальную возможность им пользоваться или распоряжаться по своему усмотрению (например, обратить похищенное имущество в свою пользу или в пользу других лиц, распорядиться им с корыстной целью иным образом), за исключением случаев, когда предметом хищения стали безналичные и (или) электронные денежные средства, кража которых считается оконченной с момента изъятия денежных средств со счета размещения.».

Обозначенный вопрос требует детальной проработки, поскольку неопределенность в моменте окончания преступления может привести к неправильной квалификации деяния.

К примеру, сложности квалификации могут возникнуть, если вследствие преступных действий виновного лица денежные средства были списаны с банковского счета владельца похищенных денежных средств, но в

⁶⁹ О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: Пост. ПВС РФ от 30.11.2017 № 48 // БВС РФ. – 2018. – № 2.

распоряжение виновного лица похищенные суммы так и не поступили по независящим от него причинам (предположим, вследствие несовершенства используемого им программного обеспечения). При описанных обстоятельствах имеет место ситуация, при которой изъятие денежных средств из владения собственника произошло, а обращение имущества в пользу виновного лица – нет.

Если руководствоваться пунктом 5 Постановления Пленума ВС РФ № 48 от 30.11.2017, то преступление будет считаться оконченным, и виновное лицо подлежит уголовной ответственности по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Такой подход представляется логичным, поскольку указанный состав преступления является материальным, и, следовательно, преступление должно считаться оконченным с момента наступления последствий преступного посягательства, а в данном случае таким последствием является имущественный ущерб, и причинен он уже в момент изъятия денежных средств. Но если руководствоваться позицией, изложенной в пункте 6 Постановления Пленума ВС РФ № 29 от 27.12.2002, то преступление будет считаться неоконченным и действия виновного лица подлежат квалификации как покушение на кражу по ч. 3 ст. 30 и п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, в связи с чем по правилам ч. 3 ст. 66 УК РФ верхний предел наказания для такого деяния составит три четверти наиболее строгого вида наказания, предусмотренного санкцией.

Неопределенность возможной квалификации объясняет значимость обозначенной проблемы и обосновывает потребность в устранении возникших противоречий.

Если говорить о внешнем выражении действий, составляющих объективную сторону изучаемого состава преступления, можно отметить разнообразие возможных алгоритмов и способов преступных действий: это и манипуляции с платежными картами, и применение компьютерных технологий, обеспечивающих несанкционированный доступ к платежным системам, и получение доступа к денежным средствам потерпевшего через

доступ к аккаунтам и учетным записям потерпевшего, и т.д. Многообразие способов совершения кражи безналичных и электронных денежных средств обусловлено развитием технологий, позволяющих беспрепятственно влиять на финансовые процессы, в том числе, дистанционно.

Одним из наиболее распространенных способов хищения является незаконное использование банковских карт. По статистике Главного управления безопасности и защиты информации Банка России (ФинЦЕРТ), количество несанкционированных транзакций с использованием банковских карт в 2017 г. составило 317,1 тыс., похищено 961 млн рублей (в 2016 г. - 296,7 тыс. и 1 млрд рублей соответственно)⁷⁰. Представляется, что данный способ получил широкое распространение ввиду относительной простоты доступа к орудию преступления (по сравнению с хищением с применением более сложных IT-технологий).

Хищение путем снятия наличных денежных средств с банковского счета с помощью банковской карты может быть осуществлено как через терминалы и банкоматы, так и при непосредственном обращении к сотрудникам банка. Выбор способа обналичивания денег напрямую влияет на дальнейшую квалификацию преступных действий виновного лица, и в зависимости от факта вовлеченности сотрудника банка в процесс снятия денежных средств действия виновного лица могут быть квалифицированы как по ст. 159.3. УК РФ (мошенничество с использованием электронных средств платежа), так и по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Вопрос разграничения указанных составов является достаточно сложным, в связи с чем его проблематике уделено акцентированное внимание в следующей главе настоящей работы.

Еще одним из возможных способов хищения безналичных и электронных денежных средств является совершение перевода денежных средств на основании распоряжения, оформленного виновным от имени

⁷⁰ Иванов, И. С. Современный подход к определению мер уголовной ответственности за хищение денежных средств, находящихся на банковском счете, и электронных денежных средств / И. С. Иванов, С. В. Рязанцева // Российский следователь. – 2018. – № 8. – С. 46-50.

клиента оператора по переводу денежных средств (плательщика или получателя средств).

В целом, как отмечает А.В. Архипов, оформление распоряжения виновным лицом может быть совершено двумя способами, влияющими на квалификацию деяния:

- во-первых, путем использования учетных данных собственника или иного владельца имущества независимо от способа получения доступа к таким данным (тайно либо путем обмана воспользовался телефоном потерпевшего, подключенным к услуге "мобильный банк", авторизовался в системе интернет-платежей под известными ему данными другого лица и т.п.), и тогда такие действия с учетом разъяснения, данного в п. 21 ПП ВС РФ от 30 ноября 2017 г. № 48, необходимо квалифицировать по п. "г" ч. 3 ст. 158 УК РФ (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного ст. 159.3 УК РФ)⁷¹. В качестве примера квалификации деяния по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ можно привести Приговор Центрального районного суда г. Воронежа от 25 октября 2018 г. по делу № 1-312/2018, которым был осужден Д., получивший во временное пользование телефон потерпевшего, в котором было установлено приложение дистанционного банковского обслуживания, и осуществивший перевод денежных средств в сумме 17 000 руб., принадлежащих потерпевшему, в момент, когда потерпевший был отвлечен и не наблюдал за действиями Д.⁷²

- во-вторых, путем целенаправленного воздействия программных и (или) программно-аппаратных средств на серверы, средства вычислительной техники (компьютеры), в том числе переносные (портативные) - ноутбуки, планшетные компьютеры, смартфоны, снабженные соответствующим программным обеспечением, или на информационно-телекоммуникационные сети, которое нарушает установленный процесс обработки, хранения,

⁷¹ Архипов, А. В. Ответственность за хищение безналичных и электронных денежных средств: новеллы законодательства / А. В. Архипов // Уголовное право. – 2018. – № 3. – С. 4-9.

⁷² Рускевич, Е. А. Отграничение кражи с банковского счета или в отношении электронных денежных средств от смежных составов преступлений / Е. А. Рускевич // Уголовное право. – 2019. – № 2. – С. 59 - 64.

передачи компьютерной информации, и тогда эти действия с учетом разъяснения, данного в п. 20 ПП ВС РФ от 30 ноября 2017 г. № 48, необходимо квалифицировать по п. «в» ч. 3 ст. 159.6 УК РФ.⁷³

Отличие перечисленных способов заключается в том, что в первом случае доступ к банковскому счету или электронному кошельку осуществлен посредством использования легальных средств авторизации (таких как персональные данные владельца, пароли, контрольная информация), полученных от самого владельца счета или электронных денежных средств, независимо от способа получения, а во втором случае - доступ к счету или электронному кошельку получен и осуществлен без применения специальных информационно-телекоммуникационных технологий (скиммеров, банковских троянов и др.). Данное отличие З.И. Хисамова⁷⁴ выделяет как основной критерий для отграничения составов, предусмотренных п. «г». ч. 3 ст. 158 УК РФ и ст. 159.3. УК РФ.

Также среди возможных способов использования банковских карт, помимо уже рассмотренных способов распоряжения денежными средствами через снятие наличных денежных средств или перечисления через систему онлайн-банкинга, достаточно распространенным является непосредственное применение карт при оплате товара. Примечательно, что единой позиции относительно квалификации действий лица, незаконно оплатившего товар не принадлежащей ему банковской картой, нет, что так же будет более подробно изучено во второй главе настоящей работы.

Безусловно, ввиду многообразия существующих схем и способов совершения преступления, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, невозможно предусмотреть подробное правовое регулирование каждой ситуации. Тем не менее, выработка единой правовой позиции по наиболее часто встречающимся в практике делам (в том числе, по описанным выше

⁷³ Архипов, А. В. Ответственность за хищение безналичных и электронных денежных средств: новеллы законодательства / А. В. Архипов // Уголовное право. – 2018. – № 3. – С. 4-9.

⁷⁴ Хисамова, З. И. Об уголовной ответственности за хищения, совершенные с использованием IT-технологий: анализ изменений законодательства и правоприменительной практики / З. И. Хисамова // Российский следователь. – 2018. – № 9. – С. 43-47.

обстоятельствам, когда происходит снятие наличных денежных средств через банкомат или осуществляется расчет в торговых точках незаконно производится чужой банковской картой) представляется необходимостью.

2) Кроме деяния (действий или бездействия) обязательным признаком объективной стороны материального состава преступления являются последствия.

Как указывает Чучаев А.И., «преступные последствия непосредственно связаны с объектом преступления. В этом проявляется их дуалистичная природа: являясь признаком объективной стороны преступления, преступные последствия выражаются в нарушении объекта посягательства. Однако относить общественно опасные последствия к указанному элементу состава преступления нет никаких оснований»⁷⁵.

В теории уголовного права разработаны различные определения понятия общественно опасных последствий.

Так, Кауфман М.А. определяет общественно опасное последствие как предусмотренный уголовным законом вред, который причиняется охраняемым этим законом объектам в результате совершенного общественно опасного деяния⁷⁶. Аналогичное определение приводится Цепелевым В.Ф.⁷⁷

А.И. Чучаев понимает под общественно опасными последствиями негативные изменения общественных отношений, охраняемых уголовным законом, в результате совершения общественно опасного деяния⁷⁸. Разделяет данную позицию и Кочои С.М.⁷⁹

В любом случае, каждое из приведенных понятий сводится к двум признакам:

⁷⁵ Басова, Т.Б. Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части: учебник / Т. Б. Басова [и др.]; отв. ред. А. И. Чучаев. – М.: КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2013. С. 84.

⁷⁶ Блинников, В.А. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / В. А. Блинников [и др.]; отв. ред. А. В. Бриллиантов – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2015. С. 104.

⁷⁷ Аминов, Д.И. Уголовное право России. Общая часть : учебник / Д. И. Аминов [и др.]; отв. ред. В. П. Ревин. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Юстицинформ, 2009. С. 146.

⁷⁸ Басова, Т.Б. Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части: учебник / Т. Б. Басова [и др.]; отв. ред. А. И. Чучаев. – Москва : КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2013. С. 83.

⁷⁹ Кочои, С. М. Уголовное право. Общая и Особенная части: краткий курс / С. М. Кочои. – Москва : КОНТРАКТ, Волтерс Клувер, 2010. С. 37.

- во-первых, общественно опасным последствием выступает вред, причиненный объекту преступления;

- во-вторых, преступным последствием является не любой вред, а лишь тот, который обозначен уголовным законом – то есть тот, который указан в диспозиции уголовно-правовой нормы.

Чучаев А.И. отмечает, что «преступный результат более широкое понятие, чем преступное последствие. Так, при хищении детали станка, в результате чего цех простоял месяц и понес убытки на миллионы рублей, преступным последствием будет признаваться стоимость похищенной детали, а преступным результатом - весь вред, причиненный данным посягательством. При этом для квалификации преступления значение имеет общественно опасное последствие, а не преступный результат»⁸⁰.

Приведенный пример как нельзя лучше позволяет понять суть вреда, причиненного кражей. Как уже было указано при рассмотрении признака безвозмездности изъятия имущества, размер вреда, причиненного кражей, определяется по стоимости именно изъятых имущества. При этом, даже частичное возмещение стоимости изъятых имущества или предоставление неравноценной замены не влияет на порядок определения размера вреда.

Таким образом, общественно опасными последствиями кражи является причиненный реальный ущерб, выраженный в стоимости изъятых имущества.

Как указано в п. 25 ПП ВС РФ № 29 от 27.12.2002, определяя размер похищенного имущества, следует исходить из его фактической стоимости на момент совершения преступления.

Однако, понятие «фактической стоимости» Верховным Судом РФ не раскрывается, как и не раскрывается оно и в действующем законодательстве. То есть, способ определения «фактической стоимости» на данный момент точно не закреплен, что породило расхождение в судебной практике.

⁸⁰ Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части: учебник / Т.Б. Басова, Е.В. Благов, П.В. Головинков и др.; под ред. А.И. Чучаева. Москва : КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2013. С. 84.

Так, Верховным Судом РФ в кассационном Определении Верховного Суда РФ от 07.04.2011 № 81-О11-30 при описании фактических обстоятельств дела и при проверке квалификации преступления была за основу взята именно розничная цена товара. Аналогичным образом Санкт-Петербургский городской суд по одному из рассматриваемых дел при квалификации преступления исследовал и оценивал справку, определяющую общую стоимость похищенного имущества в розничных ценах (Определение Санкт-Петербургского городского суда от 31.08.2010 № 22-5682/11). В Бюллетене судебной практики по уголовным делам Свердловского областного суда за третий квартал 2008 также указано, что суд первой инстанции «правильно исходил при определении размера ущерба из розничных цен на товары в данном предприятии торговли».

Но существует и обратная судебная практика⁸¹, которая устанавливает необходимость расчета размера ущерба исходя из закупочной цены товара.

Представляется справедливым суждение Д.В. Калининченко и Е.О. Метла, сделанное на основании правового анализа приведенной выше судебной практики, что «размер причиненного ущерба в целях квалификации преступления не включает упущенную выгоду и должен определяться на основании фактической (закупочной) стоимости вещи, товара»⁸².

Такой подход полностью согласуется с понятием реального ущерба, под которым в силу п. 2 ст. 15 ГК РФ понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества.

Вместе с тем, единообразие судебной практики и теоретических воззрений различных авторов станет возможным только в случае конкретизации Верховным Судом РФ порядка определения размера

⁸¹ См.: Постановление Президиума Томского областного суда от 25.04.2018 по делу № 44у-22/2018, Приговор Московского городского суда от 09.06.2015 по делу № 2-39/2015, Постановление Московского городского суда от 03.10.2012 № 4у/6-75, Кассационное определение Московского городского суда от 25.06.2012 по делу № 22-8121 и т.д. [30]

⁸² Калининченко, Д. В. Правила определения размера имущественного ущерба при квалификации кражи и при подаче гражданского иска / Д. В. Калининченко, Е. О. Метла. // Новый юридический вестник. – 2018. – № 5 (7). – С. 40-43.

причиненного ущерба, поскольку используемая на данный момент формулировка «фактическая стоимость имущества» не устраняет разногласия, а скорее напротив - порождает их.

Однако, в изучаемом составе преступления предметом хищения являются безналичные и электронные денежные средства, что предопределяет иной порядок определения причиненного ущерба, нежели при хищении любого другого имущества, подлежащего оценке.

Из п. 1 ст. 140 ГК РФ следует, что законным платежным средством, обязательным к приему по нарицательной стоимости на всей территории РФ, является рубль. Соответственно, размер ущерба, причиненного преступлением, должен быть исчислен в рублях, что является, в том числе, необходимым условием для правильной квалификации деяния, так как достижение определенного законом предела ущерба может являться квалифицирующим признаком, предполагающим повышенные меры уголовной ответственности.

Пункт 6.1. статьи 46 Налогового кодекса РФ предусматривает возможность размещения электронных денежных средств как в иностранной валюте, так и в рублях⁸³. П. 24 ст. 7 Федерального закона от 27.06.2011 № 161-ФЗ "О национальной платежной системе" также предусматривает возможность перевода электронных денежных средств как в иностранной валюте, так и в валюте РФ. Следовательно, предметом кражи по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ могут быть также денежные средства в валюте иностранного государства, в связи с чем актуален вопрос конвертации иностранной валюты в валюту РФ для определения размера причиненного ущерба в рублях.

Поскольку для п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ каких-либо официальных разъяснений по вопросу конвертации валюты нет, представляется возможным применить для этих целей абзац 5 пункта 1 ПП ВС РФ от 07.07.2015 № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании)

⁸³ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая): ФЗ РФ от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ // Российская газета. – 1998. – № 148-149.

денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем». Указанным пунктом предусмотрено, что в случае, если предметом преступления являются денежные средства в иностранной валюте, крупный или особо крупный размер деяния, предусмотренного статьями 174 и 174.1 УК РФ, определяется по официальному курсу соответствующей валюты, установленному Банком России на основании статьи 53 Федерального закона от 10.07.2002 № 86-ФЗ "О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)" на момент начала осуществления с указанной валютой финансовых операций или сделок⁸⁴.

Очевидно, что данное положение разрабатывалось исключительно для возможности дальнейшей квалификации деяния в зависимости от того, был ли причинен крупный или особо крупный ущерб. Однако, вопрос размера ущерба актуален не только для определения наличия признака причинения значительного, крупного или особо крупного ущерба, но и для последующего возмещения ущерба потерпевшему (даже если ущерб не является значительным, крупным или особо крупным).

В связи с этим, представляется необходимым включить в текст Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» аналогичное положение следующего содержания: «В случае, если предметом хищения являются денежные средства в иностранной валюте, размер ущерба, причиненного в результате совершения данного преступления, определяется в рублях Российской Федерации путем конвертации по официальному курсу соответствующей валюты, установленному Банком России на основании статьи 53 Федерального закона от 10 июля 2002 года № 86-ФЗ "О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)" на момент начала осуществления с указанной валютой финансовых операций,

⁸⁴ О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем: Пост. ПВС РФ от 07 июля 2015 г. № 32 // БВС РФ. – 2015. – № 9.

повлекших изъятие безналичных или электронных денежных средств с места их размещения».

3) Еще одним признаком объективной стороны материального состава преступления является причинная связь, представляющая собой детерминацию, отражающую взаимосвязь деяния и последствий.

Как уже было сказано ранее, обязательность данного признака ставится некоторыми авторами под сомнение (в частности, И.М. Тяжковой).

Большинство авторов, изучающих причинно-следственную связь, отмечают философскую природу данного понятия.⁸⁵

Н.Ф. Кузнецова, обращаясь к данной теме, писала, что «причинная связь - это один из видов детерминации, представляющей собой взаимосвязь явлений, при которой одно явление определяет (детерминирует) появление другого. В философии таких связей насчитывается свыше 30. Для уголовного права значимы две - причинная связь (причинение) и обуславливающая связь (обуславливание). При причинной связи действие (бездействие) само порождает последствия. При обуславливании одно явление лишь создает возможность наступления следствия, которое реализуется причиной. Причина и условие тесно взаимодействуют. Без благоприятных условий возможность появления последствий причиной не реализуется. Однако при взаимодействии причины и условия они сохраняют свою специфику разных видов детерминации: причина со следствием связана генетической связью, условие обуславливает его наступление».⁸⁶

Представляется, что обуславливание, в том понимании, которое было изложено Н.Ф. Кузнецовой, может быть вариативным и не всегда поддерживает причинную связь между деянием и последствием. Нельзя не согласиться с Кауфман М.А., что «в развитие причинной связи вплетаются события, непосредственно не связанные с действиями обвиняемого, но как-то

⁸⁵ В частности, таких воззрений придерживаются Цепелев В.Ф. [17, С. 191], Чучаев А.И. [25, С. 273], Кузнецова Н.Ф. [22, С. 406]

⁸⁶ Белокобыльский, Н.Н. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник для вузов / Н. Н. Белокобыльский [и др.] ; под ред. В. С. Комиссарова, Н. Е. Крыловой, И. М. Тяжковой. – Москва : Статут, 2012. С. 406.

влияющие на преступный результат»⁸⁷. Поэтому основной практической задачей при расследовании преступлений является установление факторов, непосредственно повлиявших на наступление преступных последствий.

В теории принято выделять следующие критерии определения наличия причинной связи:

- Хронологическая последовательность деяния и последствий. Исходя из данного критерия, для привлечения к уголовной ответственности необходимо, чтобы общественно-опасные действия или бездействие виновного лица предшествовали преступным последствиям.

- Обусловленность последствий деянием. Данный критерий предполагает, что совершенное общественно-опасное деяние является необходимым условием для наступления последствий. Как пишет М.А. Кауфман, «это значит, что в момент, когда лицо совершает деяние, в объективной действительности создается реальная угроза наступления последствий. Необходимым условием следует считать такое условие, без которого преступный результат не наступил бы»⁸⁸.

- Неизбежность наступления последствий, то есть установление того, что наступивший результат закономерно, с внутренней необходимостью вызывает наступление последствий.

Специфика установления причинной связи в составе преступления, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, заключается в необходимости отслеживания всех транзакций и финансовых операций, совершаемых с электронными деньгами и безналичными денежными средствами, похищенными с банковского счета.

4) К факультативным признакам объективной стороны относятся способ, обстоятельства времени и места, орудия, средства и обстановка совершения преступления.

⁸⁷ Блинников, В.А. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / В. А. Блинников [и др.] ; отв. ред. А. В. Бриллиантов – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2015. С. 203.

⁸⁸ Блинников, В.А. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / В. А. Блинников [и др.] ; отв. ред. А. В. Бриллиантов – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2015. С. 203.

В рамках рассматриваемой темы особый интерес вызывает признак, который напрямую влияет на квалификацию - способ совершения преступления, поскольку именно данный признак отличает кражу от иных видов хищения

Под способом совершения преступления понимается форма проявления общественно опасного деяния вовне, приемы, методы его совершения⁸⁹.

Поскольку в силу ч. 1 ст. 158 УК РФ кражей является тайное хищение чужого имущества, составообразующим признаком кражи является тайный способ совершения преступления.

Как пишет С.А. Елисеев, «тайность хищения означает, что при краже изъятие и обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц происходит скрытно, незаметно для собственника, иного владельца имущества либо других лиц. Эти лица либо не видят действий виновного, либо не осознают их противозаконности»⁹⁰.

Тайным является хищение, совершенное:

- в отсутствие собственника, иного владельца имущества, других лиц;
- в присутствии кого-либо из этих лиц, но незаметно для них;
- в присутствии собственника или иного владельца имущества, других лиц, наблюдающих действия виновного, но не осознающих их преступного характера в силу сложившейся обстановки (например, в присутствии очевидцев, полагававших, что виновный берет свою вещь);
- в присутствии лица, не способного правильно воспринимать происходящее в силу физического или психического состояния (в присутствии малолетнего, лица, страдающего психическим расстройством, лица, находящегося в сильной степени опьянения)⁹¹.

⁸⁹ Кочои, С. М. Уголовное право. Общая и Особенная части: краткий курс / С. М. Кочои. – Москва : КОНТРАКТ, Волтерс Клувер, 2010. С. 38.

⁹⁰ Елисеев, С. А. Преступления против собственности : курс лекций / С. А. Елисеев. – Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2018. С. 57.

⁹¹ Там же. С. 57.

В контексте изучения кражи безналичных денежных средств представляет особый интерес принцип тайности при снятии средств через банкоматы и устройства самообслуживания.

Пунктом 17 Постановления Пленума ВС РФ № 48 от 30.11.2017 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» закреплено, что действия лица следует квалифицировать по ст. 159.3 УК РФ в случаях, когда хищение имущества осуществлялось с использованием поддельной или принадлежащей другому лицу кредитной, расчетной или иной платежной карты путем сообщения уполномоченному работнику кредитной, торговой или иной организации заведомо ложных сведений о принадлежности указанному лицу такой карты на законных основаниях либо путем умолчания о незаконном владении им платежной картой. Не образует состава мошенничества хищение чужих денежных средств путем использования заранее похищенной или поддельной платежной карты, если выдача наличных денежных средств была произведена посредством банкомата без участия уполномоченного работника кредитной организации. В этом случае содеянное следует квалифицировать как кражу⁹².

То есть, из позиции Верховного Суда РФ следует, что, если в процесс снятия денежных средств вовлечен сотрудник банка, которому были сообщены ложные (или не сообщены достоверные) сведения о принадлежности банковской карты – то действия подлежат квалификации как мошенничество по ст. 159.3. УК РФ, а если снятие наличных денежных средств осуществлено виновным лицом через банкомат без участия сотрудников банка – по ст. 158 УК РФ, поскольку предполагается, что снятие денежных средств в присутствии сотрудника кредитной организации исключает признак тайности хищения.

Как справедливо отмечает Т.Н. Долгих, именно способ совершения преступления лежит в основе разграничения составов преступлений,

⁹² О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: Пост. ПВС РФ от 30.11.2017 № 48 // БВС РФ. – 2018. – № 2.

предусмотренных п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ и ст. 159.3 УК РФ⁹³, но более детально данный вопрос будет исследован во второй главе настоящей работы.

1.3 Субъективные признаки преступления, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ

Если объект и объективная сторона отражают внешние проявления совершенного преступления, то внутренняя составляющая, заключающаяся в степени осознанности и внутриличностном отношении субъекта к совершенному им преступлению, проявляется в субъективных признаках состава преступления – субъективной стороне и субъекте преступления

Борзенков Г.Н. акцентировал внимание на том, что УК РФ не пользуется термином "субъект преступления". Как отмечал автор, для его обозначения в статьях УК РФ служат слова и словосочетания "виновный", "осужденный", "лицо", "лицо, совершившее преступление", "лицо, подлежащее уголовной ответственности" и т.д. Юридические признаки субъекта преступления выделены в самостоятельную гл. 4 "Лица, подлежащие уголовной ответственности". Характеризуя субъекта преступления, из всех многочисленных свойств личности преступника закон выделяет такие, которые свидетельствуют о его способности нести уголовную ответственность⁹⁴.

Общие требования к субъекту преступления закреплены в статье 19 Уголовного кодекса РФ, согласно которой уголовной ответственности подлежит только вменяемое физическое лицо, достигшее возраста,

⁹³ Долгих, Т. Н. Ответственность за хищение денежных средств с банковской карты [Электронный ресурс] / Т. Н. Долгих // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

⁹⁴ Белокобыльский, Н.Н. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник для вузов / Н. Н. Белокобыльский [и др.] ; под ред. В. С. Комиссарова, Н. Е. Крыловой, И. М. Тяжковой. – Москва : Статут, 2012. С. 275.

установленного настоящим Кодексом. Из приведенной нормы можно выделить следующие характеристики субъекта:

- Субъект - это всегда физическое лицо. Подразумевается, что к уголовной ответственности, в отличие от иных видов ответственности (административной, налоговой, гражданско-правовой), не может быть привлечено юридическое лицо, и, даже если транзакции и финансовые операции с электронными денежными средствами и денежными средствами, размещенными на банковском счете, незаконно осуществляются какой-либо организацией, подлежит установлению конкретное физическое лицо, действовавшее от имени организации, и именно данное физическое лицо будет привлечено к уголовной ответственности в случае установления в его действиях признаков состава преступления);

- Субъект - это вменяемое лицо. Вменяемость означает, что лицо в момент совершения общественно опасного деяния было способно осознавать фактическую сторону и общественную опасность своего деяния и руководить им. Лицо не подлежит уголовной ответственности, если во время совершения общественно опасного деяния оно находилось в состоянии невменяемости, то есть не могло осознавать фактически характер и общественную опасность своего деяния либо руководить им вследствие хронического или временного психического расстройства, слабоумия или иного болезненного состояния психики (ч. 1 ст. 21 УК).

- К уголовной ответственности может быть привлечено лицо, достигшее соответствующего возраста, установленного законом. По общему правилу, закрепленному ч. 1 ст. 20 УК РФ, уголовной ответственности подлежит лицо, достигшее ко времени совершения преступления шестнадцатилетнего возраста. Для ряда составов преступлений (в том числе, и для изучаемого в рамках настоящей работы п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ) установлен пониженный возраст, с которого наступает уголовная ответственность – с 14 лет.

В некоторых составах преступлений, предусмотренных Особенной частью УК РФ, составообразующими могут быть и другие признаки субъекта (должностное положение, пол, семейно-родственные отношения с потерпевшим и т.д.). Однако в изучаемом составе кражи денежных средств с банковского счета и электронных денежных средств специальные признаки субъекта не установлены.

Таким образом, субъектом состава преступления, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, является общий субъект – вменяемое физическое лицо, достигшее 14-ти лет.

Субъективная сторона состава преступления представляет собой совокупность предусмотренных уголовным законом признаков, характеризующих психическую деятельность лица во время совершения преступления. Содержание субъективной стороны преступления принято раскрывать через три признака: вину, мотив и цель⁹⁵.

Вина отражает психическое отношение виновного к совершаемому им общественно опасному деянию (действию или бездействию) и наступившим в результате этого общественно опасным последствиям. Она может быть умышленной и неосторожной. Мотив представляет собой внутреннее побуждение, вызывающее решимость совершить преступление. Цель преступления - это представление о желаемом результате, к достижению которого стремится лицо, совершающее преступление⁹⁶.

Вина является обязательным признаком любого состава преступления. Как правило, мотив и цель рассматриваются как факультативные признаки субъективной стороны состава преступления, которые характеризуют составы лишь некоторых преступлений, входя в них в качестве обязательных признаков.

⁹⁵ Малинин, В. Б. Энциклопедия Уголовного права. Т.4. Состав преступления. / В. Б. Малинин. – СПб.: Изд-во: Издание профессора Малинина, 2005. С. 641.

⁹⁶ Белокобыльский, Н.Н. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник для вузов / Н. Н. Белокобыльский [и др.] ; под ред. В. С. Комиссарова, Н. Е. Крыловой, И. М. Тяжковой. – Москва : Статут, 2012. С. 305

Однако, в научных кругах имеются иные воззрения на место мотива и цели в структуре состава преступления. Как отмечает Клепицкий И.А., некоторые ученые отождествляют субъективную сторону с виной, рассматривая мотив и цель в качестве признаков умышленной вины (в частности, Дагель П.С., Котов Д.П.). Данная точка зрения не получила широкого признания в науке, поскольку не основана на законе (ст. 24 УК РФ) и не согласуется с традиционным пониманием форм вины.⁹⁷

Как отмечает И.М. Тяжкова, вина, цель и мотив составляют субъективное основание уголовной ответственности, которое является так же обязательным, как и объективное основание (действие или бездействие). Игнорирование признаков субъективной стороны может привести к объективному вменению, т.е. привлечению к уголовной ответственности за невиновное причинение вреда⁹⁸.

С субъективной стороны кража всегда совершается с прямым умыслом. Виновный осознает, что совершает хищение чужого имущества, предвидит возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий в виде ущерба потерпевшему и желает их наступления.

Также обязательным признаком кражи является корыстная цель, что прямо следует из примечания № 1 к статье 158 УК РФ.

Как указывает С.А. Елисеев, корыстная цель как элемент субъективной стороны хищения – это идеальный (субъективный) образ желаемого результата преступления в виде присвоения, захвата чужого имущества, получения реальной возможности обращаться с ним как со своим собственным. Для субъективной стороны хищения необходимо (и

⁹⁷ Блинников, В.А. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / В. А. Блинников [и др.] ; отв. ред. А. В. Бриллиантов – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2015. С. 108.

⁹⁸ Белокобыльский, Н.Н. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник для вузов / Н. Н. Белокобыльский [и др.] ; под ред. В. С. Комиссарова, Н. Е. Крыловой, И. М. Тяжковой. – Москва : Статут, 2012. С. 305

достаточно), чтобы виновный намеревался завладеть чужим имуществом для обращения его в свое владение или владение других лиц⁹⁹.

С.А. Елисеев, подробно изучавший проблематику правовой категории корыстной цели, отмечает, что в уголовно-правовой литературе по-разному истолковывается понятие корыстной цели: корыстная цель – это и цель извлечения незаконной наживы, и цель безвозмездного обращения похищенного в свою пользу и причинения тем самым ущерба собственнику или иному владельцу этого имущества, и цель извлечения материальной выгоды путем передачи похищенного другим лицам, и представление о потребности, которая будет удовлетворена в случае обращения преступником в личную пользу, и стремление удовлетворить тем или иным путем имущественный интерес¹⁰⁰.

На законодательном уровне понятие корыстной цели не раскрывается, однако оно приведено в Постановлении Пленума ВС РФ № 48 от 30.11.2017 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате». Согласно пункту 26 указанного Постановления, обязательным признаком хищения является наличие у лица корыстной цели, то есть стремления изъять и (или) обратить чужое имущество в свою пользу либо распорядиться указанным имуществом как своим собственным, в том числе путем передачи его в обладание других лиц, круг которых не ограничен¹⁰¹.

Стоит напомнить, что изъятие и (или) обращение взыскания на чужое имущество представляет собой суть объективной стороны состава преступления. То есть, понятие корыстной цели Верховный Суд РФ определяет через привязку к объективной стороне кражи.

Странность данного подхода отмечает С.А. Елисеев. Автор указывает, что, дав такое определение корыстной цели, Верховный Суд РФ «по существу, сказал о содержании корыстной цели следующее: корыстная цель

⁹⁹ Елисеев, С. А. Преступления против собственности : курс лекций / С. А. Елисеев. – Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2018. С. 44.

¹⁰⁰ Там же, С. 45.

¹⁰¹ О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: Пост. ПВС РФ от 30.11.2017 № 48 // БВС РФ. – 2018. – № 2.

как признак хищения представляет собой стремление лица совершить хищение.»¹⁰²

Источник проблемы С.А. Елисеев видит, в том числе, в использовании законодателем для обрисовки цели хищения многозначной категории «корысть». Данный термин появился в доктрине уголовного права в советский период и отвечал идеологической направленности законодательства в стремлении возвести корыстолюбие и грубую алчность в ранг уголовно-правовых категорий. В итоге, С.А. Елисеев пришел к выводу, что «в современных условиях подход к построению законодательных конструкций должен быть иным. Законодателю необходимо абстрагировать уголовно-правовое понятие хищения от такого личного качества виновного, как корыстность (корыстолюбие). Дело в том, что состав преступления как юридическое понятие об определенном общественно опасном деянии должен нести в себе информацию о его наиболее типичных, существенных признаках, одинаково присущих всем преступлениям того или иного вида»¹⁰³.

Основываясь на указанных выводах, С.А. Елисеев утверждает, что содержание цели как признака субъективной стороны хищения ограничивается представлением виновного о желаемом результате преступления в виде присвоения чужого имущества, получения возможности распоряжаться им как своим. Именно этот момент характеризует кражи, мошенничества, присвоения, растраты, грабежи и разбои как корыстные преступления, т.е. как преступления, направленные на извлечение виновным имущественной выгоды. Соответственно, цель в составе хищения есть не что иное, как идеальный образ желаемого результата преступления в виде присвоения чужого имущества, получения возможности распоряжаться им как своим. Цель как элемент психологического механизма отдельного преступления (хищения) – явление единичного конкретного уровня. Эта цель

¹⁰² Елисеев, С. А. Преступления против собственности : курс лекций / С. А. Елисеев. – Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2018. С. 47.

¹⁰³ Там же, С. 49.

заметно объемнее цели как признака состава хищения. Она не ограничивается идеальным образом желаемого результата преступления в виде присвоения чужого имущества; в нее включается и модель конкретизированной выгоды (в том числе и неимущественной), к которой стремится преступник и которую он может получить, совершив последующие за преступлением действия. Но несомненно, что для юридического понятия о хищении не имеет (и не должно иметь) значения, какие собственно потребности намеревался удовлетворить чужим имуществом завладевший им преступник.¹⁰⁴

Приведенная позиция С.А. Елисеева представляется разумной и, вероятно, было бы целесообразным внести изменения в уголовное законодательство в части ухода от «корыстной цели» ввиду чрезмерной абстрактности и неопределенности данного понятия. Подход, избранный Верховным Судом РФ в пункте 17 ПП ВС РФ № 48 от 30.11.2017, в котором корыстная цель определяется через стремление совершить действия, составляющие объективную сторону состава преступления, представляется не совсем корректным. В связи с этим, формулировка цели состава кражи как стремления лица к присвоению чужого имущества, предложенная С.А. Елисеевым, представляется более логичной.

В целом, как показало изучение объективных и субъективных признаков состава преступления, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, как ни странно, большая часть проблемных аспектов исследуемой темы обусловлена неопределенностью или даже противоречивостью позиций Верховного Суда РФ – высшей инстанции правоприменения, призванной разъяснять и направлять вектор мысли нижестоящих звеньев правоприменительной системы, а не, напротив, дезориентировать их, в связи с чем большая часть предлагаемых в настоящей работе корректировок касается именно положений Постановлений Пленума Верховного Суда РФ.

¹⁰⁴ Елисеев, С. А. Преступления против собственности : курс лекций / С. А. Елисеев. – Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2018. С. 49.

2 Проблемы квалификации кражи, совершенной с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств.

2.1 Отграничение кражи, совершенной с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств, от смежных составов преступлений против собственности

Новшество изучаемого состава преступления наряду со сложностью самой специфики экономического оборота безналичных и электронных денежных средств в совокупности привели к проблемам квалификации деяний лиц, незаконно завладевших безналичными или электронными денежными средствами.

Наиболее проблемным представляется вопрос отграничения преступления, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, от смежных составов преступлений.

Наиболее схожими по форме внешнего проявления совершаемого преступного действия и преступному результату являются составы преступлений, предусмотренные п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ (кража совершенная с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств), ст. 159.3 УК РФ (мошенничество с использованием электронных средств платежа) и п. «в» ч. 3 ст. 159.6. УК РФ (мошенничество в сфере компьютерной информации, совершенное с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств). Как отмечает П.С. Яни, «эти составы являются смежными. Смежными называют составы однородных преступлений, большинство признаков которых совпадает»¹⁰⁵.

К совпадающим признакам перечисленных составов можно отнести объект, в некоторой степени – предмет, и субъективную сторону.

¹⁰⁵ Яни, П. С. Мошенничество с использованием электронных средств платежа / П. С. Яни // Законность. – 2019. – № 4. – С. 30-35 ; № 5. – С. 25-28 ; № 6. – С. 39-43 ; № 7. – С. 39-43.

Во всех перечисленных составах родовым объектом выступают общественные отношения, охраняющие производство, перераспределение и потребление материальных и нематериальных благ¹⁰⁶. По видовому объекту также наблюдается совпадение - общественные отношения, складывающиеся в сфере охраны собственности. Непосредственным объектом как кражи с банковского счета, так и мошенничества с использованием электронных средств платежа выступают общественные отношения в сфере охраны собственности.

Предметом составов преступлений, предусмотренных п. «г» ч. 3 ст. 158 и п. «в» ч. 3 ст. 159.6. УК РФ являются электронные денежные средства и денежные средства, размещенные на банковском счете. Предметом преступления по ст. 159.3. УК РФ являются денежные средства в целом¹⁰⁷.

Так же в перечисленных составах преступлений полностью совпадают признаки субъективной стороны.

Отличием в признаках субъекта указанных составов является возраст привлечения к уголовной ответственности: в силу ч. 2 ст. 20 УК РФ за совершение кражи к уголовной ответственности может быть привлечено лицо, достигшее ко времени совершения преступления четырнадцатилетнего возраста, в то время как за мошенничество уголовная ответственность наступает с шестнадцати лет.

Однако, главным критерием разграничения кражи и мошенничества как форм хищения является прежде всего способ их совершения. Из формулировок, используемых в дефинициях (ч. 1 ст. 158 и ч. 1 ст. 159 УК РФ), следует, что способом совершения кражи является тайное хищение, а способом мошенничества – обман или злоупотребление доверием.

¹⁰⁶ Олейник, Е. Н. Проблематика отграничения кражи имущества с банковского счета от мошенничества с использованием электронных средств платежа / Е. Н. Олейник // Балтийский гуманитарный журнал. – 2018. – Т. 7, № 2 (32). – С. 403-406.

¹⁰⁷ Макаров, А. В. Особенности и проблемы квалификации мошенничества, совершенного с использованием электронных средств платежа / А. В. Макаров, В. А. Алешкова // Российский судья. – 2019. – № 5. – С. 24 - 29.

Примечательно, что статья 159.6 УК РФ, относящаяся к мошенничеству, в качестве способа совершения преступления предусматривает не обман или злоупотребление доверием, а конкретные действия, подразумевающие использование специальных технологий - ввод, удаление, блокирование, модификация компьютерной информации либо иное вмешательство в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей.

Перечень действий, составляющих объективную сторону данного состава преступления, раскрывается в п. 20 ПП ВС РФ от 30.11.2017 № 48 "О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате". Согласно данному пункту, по смыслу ст. 159.6 УК РФ вмешательством в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей признается целенаправленное воздействие программных и (или) программно-аппаратных средств на серверы, средства вычислительной техники (компьютеры), в том числе переносные (портативные) - ноутбуки, планшетные компьютеры, смартфоны, снабженные соответствующим программным обеспечением, или на информационно-телекоммуникационные сети, которое нарушает установленный процесс обработки, хранения, передачи компьютерной информации, что позволяет виновному или иному лицу незаконно завладеть чужим имуществом или приобрести право на него.

Таким образом, как справедливо отмечает Т.Н. Долгих, неотъемлемым признаком объективной стороны такого преступления будет обязательное оказание незаконного воздействия на программное обеспечение серверов, компьютеров или на сами информационно-телекоммуникационные сети, в противном случае, учитывая тайный способ хищения, действия должны быть квалифицированы как кража, даже если снятие денежных средств совершено путем использования учетных данных собственника, полученных путем

обмана последнего или использования его мобильного телефона, подключенного к услуге "мобильный банк"¹⁰⁸.

На первый взгляд, разница между объективной стороной каждого из указанных составов преступлений очевидна и проблем при квалификации возникнуть не должно. Однако, на практике не все так однозначно, и, как отмечает А.З. Абитов, «анализ правоприменительной практики показал, что уголовные дела при идентичных способах совершения преступлений могут получить разную уголовно-правовую оценку. Например, при списании денежных средств после перехода по вирусной ссылке, поступившей на мобильный телефон в виде СМС-сообщения; снятии денежных средств через банкомат; хищении денег при обманном способе получения данных банковской карты под предлогом покупки товара и т.п. дела возбуждались по признакам состава преступления, предусмотренного как ч. ч. 1, 2 ст. 159 УК РФ, так и п. "г" ч. 3 ст. 158 УК РФ, ст. 159.3 УК РФ.»¹⁰⁹

Из перечисленных А.З. Абитовым способов совершения преступления, наиболее спорным представляется совершение хищения посредством снятия наличных денежных средств через банкомат.

Как уже было указано ранее, выбор способа обналичивания денег напрямую влияет на дальнейшую квалификацию преступных действий виновного лица: если в процесс вовлечен сотрудник банка, которому были сообщены ложные (или не сообщены достоверные) сведения о принадлежности банковской карты – то действия подлежат квалификации как мошенничество по ст. 159.3. УК РФ, а если снятие наличных денежных средств осуществлено виновным лицом через банкомат без участия сотрудников банка – уголовная ответственность наступает по ст. 158 УК РФ. Указанные выше особенности квалификации разъяснены в п. 17 ПП ВС РФ

¹⁰⁸ Долгих, Т. Н. Ответственность за хищение денежных средств с банковской карты [Электронный ресурс] / Т. Н. Долгих // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

¹⁰⁹ Абитов, А. З. Проблема квалификации преступлений, связанных с хищением электронных денежных средств / А. З. Абитов // Законность. – 2019. – № 9. – С. 42-44.

№ 48 от 30.11.2017 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате».

В частности, в п. 17 ПП ВС РФ № 48 от 30.11.2017 дословно указано следующее: «не образует состава мошенничества хищение чужих денежных средств путем использования заранее похищенной или поддельной платежной карты, если выдача наличных денежных средств была произведена посредством банкомата без участия уполномоченного работника кредитной организации. В этом случае содеянное следует квалифицировать как кражу»¹¹⁰. Стоит отметить, что формулировка заключительной фразы была неоднозначна воспринята в научном сообществе и правоприменительной сфере и повлекла различные споры относительно того, следует ли применять общий состав кражи, предусмотренный ч. 1 ст. 158 УК РФ, либо возможно применение квалифицированного состава, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ.

К примеру, А.В. Архипов на основании анализа судебной практики приходит к выводу, что «хищение, совершенное путем получения наличных денежных средств с банковского счета через банкомат, традиционно рассматривается судами как обычное хищение вещей, наделенных физическим признаком», а квалифицирующий признак, предусмотренный п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ «может иметь место только при хищении безналичных и электронных денежных средств путем их перевода в рамках применяемых форм безналичных расчетов в порядке, регламентированном ст. 5 Федерального закона от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе»¹¹¹.

Иного мнения придерживается З.И. Хисамова. По результатам правового анализа упомянутого выше п. 17 ПП ВС РФ № 48 от 30.11.2017, автор приходит к выводу, что для квалификации деяния по п. «г» ч. 3 ст. 158

¹¹⁰ О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: Пост. ПВС РФ от 30.11.2017 № 48 // БВС РФ. – 2018. – № 2.

¹¹¹ Архипов, А. В. Ответственность за хищение безналичных и электронных денежных средств: новеллы законодательства / А. В. Архипов // Уголовное право. – 2018. – № 3. – С. 4-9.

УК РФ достаточным является установление факта выдачи денежных средств по заранее похищенной или поддельной платежной карте посредством банкомата без участия уполномоченного работника кредитной или торговой организации¹¹².

Русскевич Е.А. так же придерживается обозначенной Хисамовой З.И. позиции и утверждает, что «анализ судебной практики показывает, что по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ оцениваются действия лица, которое завладело платежной картой потерпевшего и осуществило изъятие денежных средств в наличной форме через устройство самообслуживания клиентов»¹¹³.

В качестве примера судебной практики можно привести Приговор Ленинского районного суда г. Смоленска от 20 сентября 2018 г. по делу № 1-275/2018, согласно которому осужден по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ гражданин М., который, используя предварительно изъятую у потерпевшей банковскую карту, а также информацию о ПИН-коде, которую потерпевшая сообщила М. ранее, через банкомат осуществил четыре операции по обналичиванию денежных средств с банковского счета в размере 33 864 руб., чем причинил потерпевшей значительный материальный ущерб¹¹⁴.

Таким образом, преобладающей точкой зрения в научных кругах и правоприменительной среде является мнение, что при обналичивании денежных средств через банкомат без участия банковского работника имеет место квалифицированный состав кражи, предусмотренный п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. И лишь некоторые авторы склонны к суждению о необходимости квалификации по общей нормой – ч. 1 ст. 158 УК РФ.

В случае, если в процесс снятия наличных денежных средств все же был вовлечен уполномоченный банковский работник, исходя из пункта 17 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 48 от 30.11.2017, такое

¹¹² Хисамова, З. И. Об уголовной ответственности за хищения, совершенные с использованием IT-технологий: анализ изменений законодательства и правоприменительной практики / З. И. Хисамова // Российский следователь. – 2018. – № 9. – С. 43-47.

¹¹³ Русскевич, Е. А. Отграничение кражи с банковского счета или в отношении электронных денежных средств от смежных составов преступлений / Е. А. Русскевич // Уголовное право. – 2019. – № 2. – С. 59 - 64.

¹¹⁴ Там же.

деяние подлежит квалификации по ст. 159.3 УК РФ. Однако, и этот вопрос не лишен сложностей, и имеют место разные подходы к квалификации деяния, совершенного в присутствии банковского работника.

Достаточно распространенным является мнение, что даже пассивное присутствие сотрудника кредитной организации исключает признак тайности, в связи с чем хищение в этом случае рассматривается как мошенничество, а не как кража. Предполагается, что виновное лицо своими действиями вводит в заблуждение сотрудника банка. П.С. Яни обосновывает правильность такого подхода тем, что само по себе действие по снятию наличных денежных средств относится к гражданским правоотношениям и регулируется нормами гражданского законодательства. В свою очередь, статьей 10 ГК РФ установлена презумпция добросовестного поведения участников гражданских правоотношений, в связи с чем у работника банка, присутствующего при снятии наличных денежных средств, изначально нет оснований подозревать в действиях лица признаки недобросовестных и незаконных действий. Таким образом, опираясь на презумпцию добросовестности участников гражданских отношений, П.С. Яни приходит к выводу, что самым фактом использования карты виновное лицо вводит банковского работника в заблуждение.¹¹⁵

В то же время, можно рассматривать такого рода пассивный обман не как средство получения денежных средств, а как способ получения доступа к банкомату и денежным средствам – при таком подходе более правильным представляется квалификация действий виновного лица по статье 158 УК РФ, поскольку пунктом 2 того же Постановления Пленума Верховного Суда РФ №48 от 30.11.2017 предусмотрено, что если обман не направлен непосредственно на завладение чужим имуществом, а используется только для облегчения доступа к нему, действия виновного в зависимости от способа хищения образуют состав кражи или грабежа.

¹¹⁵ Яни, П. С. Мошенничество с использованием электронных средств платежа / П. С. Яни // Законность. – 2019. – № 4. – С. 30-35 ; № 5. – С. 25-28 ; № 6. – С. 39-43 ; № 7. – С. 39-43.

То есть, если сотрудник банка присутствовал в помещении в непосредственной близости от банкомата, но при этом не был осведомлен о принадлежности карты лицу, снимающему денежные средства, что достаточно часто встречается в практической деятельности кредитных организаций, то можно сделать вывод, что обман в форме умолчания об истинных фактах был направлен не на непосредственное завладение чужим имуществом, а на облегчение доступа к нему - на получение доступа к банкомату, как средству снятия денежных средств, в связи с чем по п. 2 ПП ВС РФ № 48 от 30.11.2017, такое деяние подлежит квалификации как кража.

Более того, присутствие не каждого банковского работника при обналичивании денежных средств влечет необходимость квалификации действий виновного лица по ст. 159.3. УК РФ. В этом вопросе справедливым представляется мнение Долгих Т.Н., акцентирующей внимание, что данный состав образует участие только такого сотрудника банка, который уполномочен в силу занимаемой должности производить списание денежных средств с платежной карты¹¹⁶. Данная позиция соответствует содержанию п. 17 ПП ВС РФ № 48, в котором используется формулировка «уполномоченный работник кредитной организации».

Безусловно, примененная формулировка весьма размыта, и Верховным Судом РФ не конкретизируется, какого рода полномочиями должен обладать сотрудник банка, чтобы незаконное снятие денежных средств в его присутствии могло быть квалифицировано как мошенничество. Однако, исходя из общего понимания гражданских правоотношений в банковской сфере, представляется возможным согласиться с Т.Н. Долгих, что это полномочия по списанию денежных средств. Вместе с тем, во избежание неоднозначного толкования представляется необходимым внесение соответствующего уточнения в пункт 17 Постановления Пленума

¹¹⁶ Долгих, Т. Н. Ответственность за хищение денежных средств с банковской карты [Электронный ресурс] / Т. Н. Долгих // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

Верховного Суда РФ № 48 в части конкретизации полномочий сотрудника кредитной организации.

Более того, представляется, что на квалификацию влияет также роль, степень вовлеченности в процесс банковского работника, поскольку в упомянутом пункте 17 ПП ВС РФ употреблена фраза «выдача наличных денежных средств...без участия уполномоченного работника кредитной организации...следует квалифицировать как кражу». Очевидно, что «участие» предполагает более активную роль, нежели простое присутствие.

Таким образом, полагаем более обоснованной позицию, что снятие наличных денежных средств с помощью банкомата может быть квалифицировано по ст.159.3 УК РФ только в том случае, если в процессе снятия денежных средств участвовал (то есть, был активно задействован) уполномоченный сотрудник банка, и одного пассивного присутствия банковского работника, не обладающего полномочиями по списанию денежных средств, недостаточно для квалификации деяния как мошенничества.

Также существенные проблемы, связанные со сложностью разграничения п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ и ст. 159.3 УК РФ, возникают при квалификации незаконных расчетов чужой банковской картой.

Т.Н. Долгих пишет, что при использовании чужой, похищенной, поддельной банковской карты, и при предъявлении ее для оплаты как своей, то есть, фактически не сообщая о незаконном использовании этой карты, виновное лицо тем самым обманывает сотрудников торговой или кредитной организации, в связи с чем такое деяние подлежит квалификации по статье 159.3 УК РФ¹¹⁷.

На практике однозначной позиции по данному вопросу нет.

¹¹⁷ Долгих, Т. Н. Ответственность за хищение денежных средств с банковской карты [Электронный ресурс] / Т. Н. Долгих // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

Е.А. Русскевич в подтверждение противоречивости судебной практики приводит два показательных примера – противоположные по содержанию судебные приговоры по аналогичным делам.

Так, приговором Домодедовского городского суда Московской области от 6 ноября 2018 г. по делу № 1-399/2018 по п. "г" ч. 3 ст. 158 УК РФ были квалифицированы действия лица, которое, воспользовавшись отсутствием потерпевшего, изъяло принадлежащую ему банковскую карту. После чего в продолжение своего преступного умысла, находясь в магазине, трижды осуществило оплату приобретенного товара банковской картой потерпевшего¹¹⁸.

По аналогичному делу был вынесен противоположный судебный акт - Приговором Ново-Савинского районного суда г. Казани от 16 ноября 2018 г. по делу № 1-525/2018 была осуществлена переквалификация описанных выше действий с п. "г" ч. 3 ст. 158 УК РФ на ст. 159.3 УК РФ. В обоснование переквалификации суд, ссылаясь на п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48, указал, что, поскольку А., реализуя свой преступный умысел, совершил хищение денежных средств потерпевшего путем умолчания перед продавцом о незаконном владении им платежной картой, оплатив ряд покупок безналичным путем, используя систему "ПайПасс", содеянное является мошенничеством с использованием электронных средств платежа, а не кражей с банковского счета¹¹⁹.

Таким образом, можно заключить, что между составами, предусмотренными п. «г» ч. 3 ст. 158, ст. 159.3 и п. «в» ч. 3 ст. 159.6 УК РФ, имеются как сходства, так и различия, которые зачастую на практике вызывают множество спорных вопросов при разграничении рассмотренных составов преступления.

¹¹⁸ Русскевич, Е. А. Отграничение кражи с банковского счета или в отношении электронных денежных средств от смежных составов преступлений / Е. А. Русскевич // Уголовное право. – 2019. – № 2. – С. 59 - 64.

¹¹⁹ Там же.

2.2 Проблемы дополнительной квалификации действий лица, совершившего кражу безналичных денежных средств

В настоящей работе уже неоднократно акцентировалось внимание на специфике безналичного и электронного денежного оборота, обусловившей множество различных способов совершения кражи безналичных или электронных денежных средств.

Значительная часть способов такого рода хищений связана с обработкой информации (которая зачастую подпадает под особо охраняемые режимы банковской, коммерческой или иной тайны), а также с применением компьютерных или иных информационных технологий. В связи с этим актуализируется вопрос привлечения виновного лица наряду с п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ к дополнительной ответственности по ч. 3 ст. 183, ст. 187, ст. 272, ст. 273 и ст. 274 Уголовного кодекса РФ.

Прежде всего, поскольку хищение безналичных или электронных денежных средств так или иначе связано с банковской сферой, особый интерес вызывает статья 183 УК РФ, предусматривающая уголовную ответственность за собирание сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, путем похищения документов, подкупа или угроз, а равно иным незаконным способом. Корыстная заинтересованность в данном случае является обязательным признаком специального состава преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 183 УК РФ.

Сведения о банковском счете, операциям по банковским счетам и клиенте (то есть, по сути, вся основная информация, задействованная при совершении кражи денежных средств с банковского счета) п. 1 ст. 857 ГК РФ отнесены к особому режиму банковской тайны.

Статьей 26 Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1 "О банках и банковской деятельности" также предусмотрено, что кредитная организация, Банк России, организация, осуществляющая функции по обязательному

страхованию вкладов, гарантируют тайну об операциях, о счетах и вкладах своих клиентов и корреспондентов¹²⁰.

Помимо банковской тайны под особой охраной государства находятся сведения, составляющие коммерческую тайну, под которой в силу п. 1 ст. 3 Федерального закона от 29.07.2004 № 98-ФЗ "О коммерческой тайне" понимается режим конфиденциальности информации, позволяющий ее обладателю при существующих или возможных обстоятельствах увеличить доходы, избежать неоправданных расходов, сохранить положение на рынке товаров, работ, услуг или получить иную коммерческую выгоду¹²¹.

Нередко хищению безналичных денежных средств предшествуют действия, направленные на незаконное получение сведений о банковском счете, на котором размещены денежные средства, о владельце счета (то есть, сведений, составляющих банковскую тайну), а также сбор информации о паролях и учетных записях, необходимых для входа в платежные системы и осуществление в них финансовых операций, лицах, ответственных, за совершение данных операций (то есть, сведений, которые могут составлять коммерческую тайну организации). Представляется, что в случае, если сбор информации осуществлен с целью последующей кражи денежных средств с банковского счета, одним из перечисленных в ч. 1 ст. 183 УК РФ способов (похищение документов, подкуп, угрозы), то действия виновного лица подлежат квалификации по совокупности - по п. «г» ч. 3 ст. 158 и ч. 3 ст. 183 УК РФ.

Не исключена возможность совокупного применения п. «г» ч. 3 ст. 158, ч. 3 ст. 183 и ч. 1 ст. 187 УК РФ – в частности, если незаконным образом собранные сведения, составляющие охраняемую законом тайну, были использованы для изготовления поддельных платежных карт и иных средств оплаты.

¹²⁰ О банках и банковской деятельности: ФЗ РФ от 02 дек. 1990 г. № 395-1 // Российская газета. - 1996. - № 27.

¹²¹ О коммерческой тайне: ФЗ РФ от 29 июля. 2004 г. № 98-ФЗ // Российская газета. – 2004. – № 166.

Статья 187 УК РФ предусматривает ответственность за изготовление, приобретение, хранение, транспортировку в целях использования или сбыта, а равно сбыт поддельных платежных карт, распоряжений о переводе денежных средств, документов или средств оплаты (за исключением случаев, предусмотренных статьей 186 УК РФ), а также электронных средств, электронных носителей информации, технических устройств, компьютерных программ, предназначенных для неправомерного осуществления приема, выдачи, перевода денежных средств.

Представляется, что в зависимости от конкретных обстоятельств совершения кражи действия виновного лица в дополнение к п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ могут быть квалифицированы по упомянутым выше ч. 3 ст. 183 и ч. 1 ст. 187 УК РФ (как по отдельности с каждой из указанных норм, так и при совместном их применении).

Примечательно, что возможность дополнительной квалификации по статье 187 УК РФ при совершении хищения с банковского счета разъясняется Верховным Судом РФ в пункте 18 ПП ВС РФ от 30.11.2017 № 48. В то же время какие-либо официальные разъяснения по вопросу возможности дополнительной квалификаций действий по ч. 3 ст. 183 УК РФ ни в ПП ВС РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», ни в ПП ВС РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» не предусмотрены, что представляется весомым упущением, которое необходимо устранить путем включения в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 соответствующего пункта, закрепляющего следующее:

«В случае хищения безналичных денежных средств посредством изготовленных или приобретенных платежных карт, распоряжений о переводе денежных средств, документов или средств оплаты (за исключением случаев, предусмотренных статьей 186 УК РФ), а также электронных средств, электронных носителей информации, технических

устройств, компьютерных программ, предназначенных для неправомерного осуществления приема, выдачи, перевода денежных средств, содеянное следует квалифицировать как совокупность хищения и преступления, предусмотренного статьей 187 УК РФ. В случае, если для изготовления поддельных средств оплаты платежных карт, распоряжений о переводе денежных средств, документов или средств оплаты (за исключением случаев, предусмотренных статьей 186 УК РФ), а также электронных средств, электронных носителей информации, технических устройств, компьютерных программ, предназначенных для неправомерного осуществления приема, выдачи, перевода денежных средств, использовались добытые незаконным способом сведения, составляющие налоговую, банковскую или коммерческую тайну - содеянное следует квалифицировать как совокупность преступлений, предусмотренных соответствующей нормой УК РФ о хищении, статьей 187 УК РФ и частью 3 статьи 183 УК РФ. В случае, если добытые незаконным способом сведения, составляющие налоговую, банковскую или коммерческую тайну, использовались непосредственно для изъятия имущества - содеянное следует квалифицировать как совокупность преступлений, предусмотренных соответствующей нормой УК РФ о хищении и частью 3 статьи 183 УК РФ.»

Также, в литературе высказано мнение, что содеянное по п. «г» ч 3 ст. 158 УК РФ подлежит дополнительной квалификации по статье из Главы 28 УК РФ (преступления в сфере компьютерной информации – ст. 272, 273, 274 и 274.1. УК РФ) при совершении определенных действий, указанных в диспозициях данных норм – то есть, если для совершения хищения были созданы и/или использованы вредоносные компьютерные программы¹²²

Евдокимов К.Н., подкрепляя свою позицию, приводит в качестве примера конкретное судебное дело (уголовное дело № 1-584/2015), рассмотренное Верх-Исетским районным судом г. Екатеринбурга, в котором в совокупности были применены ч. 2 ст. 273, ч. 3 ст. 272, ч. 1 ст. 174 и п. «а»

¹²² В частности, об этом говорят К.Н.Евдокимов [20], Т.Н. Долгих [26] и В.П. Кашепов [24, С. 102].

ч. 4 ст. 158 УК РФ, что свидетельствует о возможности применения дополнительной квалификации по указанным нормам совместно с нормами о краже¹²³.

Если в отношении мошенничества возможность дополнительной квалификации по указанным нормам установлена п. 20 ПП ВС РФ от 30.11.2017 № 48, то в отношении кражи какие-либо разъяснения Верховного Суда РФ на этот счет отсутствуют, в связи с чем в судебной практике одновременное применение ст. 158 УК РФ и статей Главы 28 УК РФ (ст. 272 – 274.1. УК РФ) является скорее исключением, чем сложившимся правоприменительным правилом.

Как справедливо указывает К.Н. Евдокимов «отсутствие единообразия и противоречивость судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации диктуют необходимость скорейшего принятия постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, которое дало бы судам соответствующие разъяснения о квалификации преступных деяний данного вида»¹²⁴.

Представляется, что конкретизация позиции Верховного Суда РФ требуется не только в части разъяснения вопросов квалификации преступлений в сфере компьютерной информации, но и по многим спорным аспектам квалификации хищений, которые остаются неясными, несмотря на наличие Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» и Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое».

¹²³ Евдокимов, К. Н. Актуальные вопросы совершенствования судебной практики по уголовным делам о нарушении правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей (ст. 274 УК РФ) / К. Н. Евдокимов // Российский судья. – 2019. – № 2. – С. 12-16.

¹²⁴ Там же.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на то, что с момента закрепления в уголовном законодательстве состава преступления, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, прошло уже около двух лет (соответствующие изменения вступили в силу 04 мая 2018 года), правоприменительная практика по данной норме продолжает складываться, и по мере формирования практики выявляются различные проблемные аспекты, требующие своего разрешения. Часть из них (в условиях ограниченного объема дипломного исследования) была освещена при написании настоящей работы, и по результатам изучения темы предложены возможные варианты решения наиболее проблемных вопросов.

В частности, в ходе описания уголовно-правовой характеристики изучаемого состава преступления были сделаны следующие выводы по наиболее проблемным и дискуссионным аспектам:

1) Среди объективных признаков состава преступления, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, наибольший интерес вызывает такой признак объекта состава преступления, как предмет. Предметом данного вида кражи являются денежные средства, размещенные на банковском счете, и электронные денежные средства, специфика которых заключается, прежде всего, в их неосязаемом, безналичном характере, «виртуальности», не требующей от преступника непосредственного физического воздействия для совершения кражи. В этом смысле предмет данного состава преступления отличается от общепринятого понимания, поскольку не соответствует сложившимся в науке критериям и признакам имущества, которое может быть предметом преступления – к безналичным и электронным денежным средствам неприменим физический и социальный признаки имущества, которые многими авторами выделяются, как обязательные для предмета хищений.

Ранее велись оживленные споры относительно правовой природы электронных денежных средств и их соотношения с безналичными денежными средствами. Имеет место мнение, что это имущественное право к эмитенту, также существует позиция, что это форма безналичных расчетов. Банк России рассматривает переводы электронных денежных средств как форму безналичного расчета. Верховный Суд РФ ранее разделял понятия безналичных и электронных денежных средств, но на текущий момент Верховный Суд РФ квалифицирует электронные денежные средства как одну из форм безналичных денежных средств.

Но не все электронные деньги рассматриваются как законные средства платежа на территории РФ – в частности, таковыми не являются получившие распространение в последние годы системы онлайн расчетов и «электронные кошельки», функционирующие на базе платформ, созданных лицами, не являющимися кредитными организациями. На практике такие средства расчетов взыскиваются как единицы исчисления объема имущественных прав, либо как денежные средства, подпадающие по аналогии под нормы о договоре займа.

Представляется, что наилучшим способом прекращения дискуссий по вопросу правового восприятия электронных средств расчета, не обладающих признаками электронных денежных средств, (в том числе – криптовалюты, которая по своей сути является денежным суррогатом), было бы изложение официальной позиции Верховного Суда РФ в Постановлении Пленума № 29 от 27.12.2002 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», и данная позиция стала бы ориентиром для всех правоприменительных сфер.

2) При изучении объективной стороны, как элемента состава преступления, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, была обозначена актуальность вопроса содержания действий, составляющих объективную сторону – а именно, является ли необходимым условием для квалификации деяния как оконченного обращение похищенных безналичных или электронных денежных средств в пользу виновного или аффилированных

лиц, либо для признания наличия признаков состава указанного преступления достаточно изъятия имущества у владельца.

По общему правилу, в объективную сторону кражи по ст. 158 УК РФ входят действия по изъятию и обращению чужого имущества в пользу виновного или аффилированных лиц. В пункте 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 29 от 27.12.2002 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» указано, что кража и грабеж считаются оконченными, если имущество изъято и виновный имеет реальную возможность им пользоваться или распоряжаться по своему усмотрению. Такой подход не учитывает специфику состава, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ – поскольку его предметом являются безналичные и электронные денежные средства, ввиду множества транзакций и финансовых операций момент обращения имущества в пользу виновного или третьих лиц может быть значительно отсрочен по времени или вовсе не наступить (к примеру, ввиду несовершенства используемых при совершении преступления технологий), и отследить данный момент крайне сложно. Поэтому более правильным представляется подход, примененный Верховным Судом РФ к мошенничеству – пунктом 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», в котором установлено, что, если предметом преступления при мошенничестве являются безналичные денежные средства, в том числе электронные денежные средства, такое преступление следует считать оконченным с момента изъятия денежных средств. Представляется, что такой подход должен быть применен и к краже, для чего соответствующие коррективы должны быть внесены в пункт 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 29 от 27.12.2002.

3) Также интерес вызывает вопрос оценки ущерба, причиненного кражей с банковского счета или электронных денежных средств. Поскольку предметом данного преступления могут быть денежные средства в иностранной валюте, для определения размера ущерба, причиненного

преступными действиями, актуален вопрос конвертации иностранной валюты в рубли РФ. Представляется, что в Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 29 от 27.12.2002 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» необходимо включить положения, регулирующие данный момент по аналогии с абзацем 5 пункта 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем». А именно, целесообразно включить в Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 29 от 27.12.2002 пункт следующего содержания: «В случае, если предметом хищения являются денежные средства в иностранной валюте, размер ущерба, причиненного в результате совершения данного преступления, определяется в рублях Российской Федерации путем конвертации по официальному курсу соответствующей валюты, установленному Банком России на основании статьи 53 Федерального закона от 10 июля 2002 года № 86-ФЗ "О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)" на момент начала осуществления с указанной валютой финансовых операций, повлекших изъятие безналичных или электронных денежных средств с места их размещения».

4) Также проблемным аспектом исследуемой темы является определение тайности хищения и отграничение изучаемого состава преступления от смежных составов (ст. 159.3 УК РФ и п. «в» ч.3 ст. 159.6 УК РФ) по способу совершения хищения.

В целом, указанные составы схожи по объекту и субъективной стороне. Отличие в субъекте заключается в возрастном пороге привлечения к уголовной ответственности – 14 лет- возраст привлечения к ответственности за кражу, 16 лет – за мошенничество. Но более существенным отличием и критерием для разграничения данных составов преступлений является способ.

Не всегда различия в способе очевидны на практике. Так, неоднозначно в правоприменительной среде и научных кругах воспринимается хищение денежных средств через банкомат в присутствии сотрудника банка, не обладающего информацией об отсутствии у лица права на снятие наличных денежных средств.

Есть мнение (в частности, П.С. Яни), что вследствие презумпции добросовестного поведения участников гражданских правоотношений, у сотрудника банка отсутствуют основания подозревать лицо, обналичивающее денежные средства, в совершении противоправных действий, поэтому самым фактом использования банковской карты виновный вводит сотрудника банка в заблуждение относительно правомерности своего поведения. В этом случае отсутствует признак тайности и присутствует признак введения в заблуждения, в связи с чем деяние должно квалифицироваться как мошенничество, а не как кража.

С другой стороны, представляется, что для квалификации деяния как мошенничества необходимо наличие совокупности следующих условий:

- обналичивание денежных средств должно осуществляться с участием банковского работника, а не просто в его пассивном присутствии;
- у сотрудника кредитной организации должны быть полномочия на списание денежных средств со счета.

Данный вывод основан на формулировках, используемых в пункте 17 Постановления Пленума ВС РФ № 48 от 30.11.2017.

При отсутствии данных условий, а также в случае снятия денежных средств через банкомат в отсутствие сотрудника банка, действия виновного лица подлежат квалификации по п. «г» ч. 3 ст 158 УК РФ.

5) Последняя проблема, которую хотелось бы обозначить, - это вопрос дополнительной квалификации действий виновного лица при краже с банковского счета или электронных денежных средств.

Поскольку совершение указанного преступления зачастую связано с незаконным получением сведений о банковском счете, на котором

размещены денежные средства, о владельце счета (то есть, сведений, составляющих банковскую тайну), а также со сбором информации о паролях и учетных записях, необходимых для входа в платежные системы и осуществление в них финансовых операций, лицах, ответственных, за совершение данных операций (то есть, сведений, которые могут составлять коммерческую тайну организации), представляется целесообразным указать в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 29 от 27.12.2002 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» на возможность дополнительной квалификации по ст. 183 УК РФ.

Кроме того, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 29 от 27.12.2002 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» необходимо, как это сделано в пункте 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», предусмотреть возможность дополнительной квалификации по статье 187 УК РФ в случае хищения безналичных денежных средств посредством изготовленных или приобретенных платежных карт, распоряжений о переводе денежных средств, документов или средств оплаты (за исключением случаев, предусмотренных статьей 186 УК РФ), а также электронных средств, электронных носителей информации, технических устройств, компьютерных программ, предназначенных для неправомерного осуществления приема, выдачи, перевода денежных средств.

Также, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 29 от 27.12.2002 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» необходимо, как это сделано в пункте 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», необходимо предусмотреть возможность дополнительной квалификации по ст. 272, 273, 274.1 УК РФ, в случае, если кража с банковского счета или электронных денежных средств совершена посредством неправомерного доступа к компьютерной

информации или посредством создания, использования и распространения вредоносных компьютерных программ.

Безусловно, ввиду многообразия существующих схем и способов совершения преступления, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, невозможно предусмотреть подробное правовое регулирование каждой ситуации. Тем не менее, выработка единой правовой позиции по наиболее проблемным вопросам представляется необходимостью.

Как видно, все предлагаемые решения обозначенных проблемных вопросов сводятся к внесению изменений в Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 29 от 27.12.2002 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», поскольку, в отличие от законодателя, Верховный Суд РФ не связан сухостью юридической техники и имеет возможность в актах судебного толкования более подробно и всеобъемлюще изложить свое понимание проблемных аспектов.

Завершить проведенное исследование хотелось бы словами Иванова И.С. и Рязанцевой С.В., что, признавая ключевую роль постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации в формировании судебной практики и выработке единообразных подходов в квалификации деяний, следует констатировать важность их своевременной корректировки¹²⁵.

¹²⁵ Иванов, И. С. Современный подход к определению мер уголовной ответственности за хищение денежных средств, находящихся на банковском счете, и электронных денежных средств / И. С. Иванов, С. В. Рязанцева // Российский следователь. – 2018. – № 8. – С. 46-50

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Нормативные правовые акты

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: ФЗ РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с послед. изм.) // СЗ РФ. – 1996. – №25. – Ст. 2954.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): ФЗ РФ от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Российская газета. – 1994. – № 238-239.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): ФЗ РФ от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (с послед. изм.) // Российская газета. – 1996. – № 23-27.
4. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая): ФЗ РФ от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ // Российская газета. – 1998. – № 148-149.
5. О банках и банковской деятельности: ФЗ РФ от 02 декабря 1990 г. № 395-1 // Российская газета. – 1996. – № 27.
6. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: ФЗ РФ от 23 апреля 2018 г. № 111-ФЗ // Российская газета. – 2018. – № 88.
7. О коммерческой тайне: ФЗ РФ от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ // Российская газета. – 2004. – № 166.
8. О национальной платежной системе: ФЗ РФ от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ // Российская газета. – 2011. – № 139.
9. О Центральном банке Российской Федерации (Банке России): ФЗ РФ от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ // Российская газета. – 2002. – № 127.

Разъяснения высших судебных органов

10. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: Пост. ПВС РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 // БВС РФ. – 2003. – № 2.
11. О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем,

и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем: Пост. ПВС РФ от 07 июля 2015 г. № 32 // БВС РФ. – 2015. – № 9.

12. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: Пост. ПВС РФ от 30.11.2017 № 48 // БВС РФ. – 2018. – № 2.

13. О правилах осуществления перевода денежных средств: Положение ЦБ РФ от 19 июня 2012 г. № 383-П // Вестник Банка России. – 2012. – № 34.

14. Об использовании при совершении сделок "виртуальных валют", в частности Биткойн: Информация ЦБ РФ от 27 янв. 2014 г. // Вестник Банка России. – 2014. – № 11.

15. О применении отдельных положений Федерального закона "О национальной платежной системе": Информация ЦБ РФ от 28 фев. 2013 г. // Вестник Банка России. – 2013. – № 15.

Специальная литература

16. Абитов, А. З. Проблема квалификации преступлений, связанных с хищением электронных денежных средств / А. З. Абитов // Законность. – 2019. – № 9. – С. 42-44.

17. Аминов, Д.И. Уголовное право России. Общая часть : учебник / Д. И. Аминов [и др.]; отв. ред. В. П. Ревин. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Юстицинформ, 2009. – 496 с.

18. Архипов, А. В. Ответственность за хищение безналичных и электронных денежных средств: новеллы законодательства / А. В. Архипов // Уголовное право. – 2018. – № 3. – С. 4-9.

19. Арямов, А.А. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / А. А. Арямов [и др.]; отв. ред. Ю. В. Грачева, А. И. Чучаев. – Москва : КОНТРАКТ, 2017. – 384 с.

20. Балеев, С.А. Уголовное право России. Общая часть: учебник / С. А. Балеев [и др.] ; под. ред. Ф. Р. Сундурова, И. А. Тарханова. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Статут, 2009. – 751 с.

21. Басова, Т.Б. Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части: учебник / Т. Б. Басова [и др.] ; отв. ред. А. И. Чучаев. – Москва : КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2013. – 704 с.

22. Белокобыльский, Н.Н. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник для вузов / Н. Н. Белокобыльский [и др.] ; под ред. В. С. Комиссарова, Н. Е. Крыловой, И. М. Тяжковой. – М.: Статут, 2012. – 879 с.

23. Блинников, В.А. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / В. А. Блинников [и др.] ; отв. ред. А. В. Бриллиантов – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2015. – 1184 с.

24. Голованова, Н.А. Уголовно-юрисдикционная деятельность в условиях цифровизации: монография / Н. А. Голованова [и др.] – Москва : ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2019. – 212 с.

25. Грачева, Ю.В. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / Ю. В. Грачева [и др.] ; под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2008. – 560 с.

26. Долгих, Т. Н. Ответственность за хищение денежных средств с банковской карты [Электронный ресурс] / Т. Н. Долгих // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

27. Евдокимов, К. Н. Актуальные вопросы совершенствования судебной практики по уголовным делам о нарушении правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей (ст. 274 УК РФ) / К. Н. Евдокимов // Российский судья. – 2019. – № 2. – С. 12-16.

28. Елисеев, С. А. Преступления против собственности : курс лекций / С. А. Елисеев. – Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2018. – 194 с.

29. Иванов, И. С. Современный подход к определению мер уголовной ответственности за хищение денежных средств, находящихся на банковском

счете, и электронных денежных средств / И. С. Иванов, С. В. Рязанцева // Российский следователь. – 2018. – № 8. – С. 46-50.

30. Калиниченко, Д. В. Правила определения размера имущественного ущерба при квалификации кражи и при подаче гражданского иска / Д. В. Калиниченко, Е. О. Метла. // Новый юридический вестник. – 2018. – № 5 (7). – С. 40-43.

31. Кирилловых, А. А. Электронные средства платежа: проблемы гражданско-правовой природы и уголовно-правовой / А. А. Кирилловых, Д. А. Овсяков // Право и экономика. – 2019. – № 1. – С. 62-70.

32. Коробеев, А. И. Российское уголовное право. Курс лекций. Т.1 Преступление. / А. И. Коробеев. – Владивосток : ИДУ, 1999. – 604 с.

33. Коростелев, М. А. Оборот электронных денежных средств: гражданско-правовые вопросы / М. А. Коростелев // Журнал российского права. – 2013. – № 12. – С. 130-135.

34. Кочои, С. М. Уголовное право. Общая и Особенная части: краткий курс / С. М. Кочои. – Москва : КОНТРАКТ, Волтерс Клувер, 2010. – 416 с.

35. Курбатов, А. Я. Правовое регулирование электронных платежных систем по законодательству Российской Федерации / А. Я. Курбатов // Хозяйство и право. – 2007. – № 9. – С. 68-84.

36. Лопатина, Т. М. Проблемы уголовно-правовой защиты сфер компьютерной информации: современный взгляд на мошенничество / Т. М. Лопатина // Право и безопасность. – 2013. – № 3. – С. 93.

37. Лопашенко, Н. А. Посягательства на собственность: монография / Н. А. Лопашенко. – Москва : Норма, Инфра-М, 2012. – 528 с.

38. Макаров, А. В. Особенности и проблемы квалификации мошенничества, совершенного с использованием электронных средств платежа / А. В. Макаров, В. А. Алешкова // Российский судья. – 2019. – № 5. – С. 24 - 29.

39. Малинин, В. Б. Энциклопедия Уголовного права. Т.4. Состав преступления. / В. Б. Малинин. – Санкт-Петербург : Изд-во: Издание профессора Малинина, 2005. – 796 с.

40. Молчанов, М. В. Криптовалюта: понятие и проблемы / М. В. Молчанов // Science Time. – 2014. – № 10. – С. 300-303.

41. Наумов, А. В. Российское уголовное право. Общая часть : курс лекций / А. В. Наумов. – Москва : Бек, 1996. – 550 с.

42. Олейник, Е. Н. Проблематика отграничения кражи имущества с банковского счета от мошенничества с использованием электронных средств платежа / Е. Н. Олейник // Балтийский гуманитарный журнал. – 2018. – Т. 7, № 2 (32). – С. 403-406.

43. Плохова, В. И. Деньги и ценные бумаги как предмет преступления против собственности / В. И. Плохова // Уголовное право. – 2002. – № 4. – С. 31-32.

44. Пояснительная записка к проекту федерального закона № 186266-7 О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (в части усиления уголовной ответственности за хищение денежных средств с банковского счета или электронных денежных средств) [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://asozd.duma.gov.ru>.

45. Райзберг, Б. А. Современный экономический словарь [Электронный ресурс] / Б. А. Райзберг, Л. Ш. Лозовский, Е. Б. Стародубцева - 6-е изд., перераб. и доп. – Москва : ИНФРА-М, 2011. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

46. Русскевич, Е. А. Отграничение кражи с банковского счета или в отношении электронных денежных средств от смежных составов преступлений / Е. А. Русскевич // Уголовное право. – 2019. – № 2. – С. 59 - 64.

47. Танимов, О. В. Влияние цифровых технологий на появление новых структурных элементов системы / О. В. Танимов // Российская юстиция. – 2019. – № 7. – С. 2-5.

48. Хисамова, З. И. Об уголовной ответственности за хищения, совершенные с использованием IT-технологий: анализ изменений законодательства и правоприменительной практики / З. И. Хисамова // Российский следователь. – 2018. – № 9. – С. 43-47.

49. Хисамова, З. И. Уголовно-правовые меры противодействия преступлениям, совершаемым в финансовой сфере с использованием информационно-телекоммуникационных технологий [Электронный ресурс]: дис. ... канд. юр. наук: 12:00:08 / Хисамова Зарина Илдузовна // Режим доступа: крду.мвд.рф

50. Яни, П. С. Мошенничество с использованием электронных средств платежа / П. С. Яни // Законность. – 2019. – № 4. – С. 30-35 ; № 5. – С. 25-28 ; № 6. – С. 39-43 ; № 7. – С. 39-43.

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Юридический институт
институт
Кафедра уголовного права
кафедра

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой
А.Н.Тарбагаев
подпись инициалы, фамилия
«29» 05 2020 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

40.03.01 Юриспруденция
код – наименование направления

Уголовно-правовая характеристика кражи, совершенной с банковского
счета, а равно в отношении электронных денежных средств (п. «г» ч.3 ст.158
УК РФ).

тема

Руководитель 29.05.2020 доцент, к.ю.н
подпись, дата должность, ученая степень

Мирончик А.С.
инициалы, фамилия

Выпускник 29.05.2020
подпись, дата

Яковлева Д.А.
инициалы, фамилия

Красноярск 2020 г.